

ФОНД
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ

ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ

МОСКВА
«ВЕЧЕ»

Нарочницкая, Н.А.
НЗ0 За что и с кем мы воевали / Предисл. М.А. Гареев.
Наталия Нарочницкая. — М. : Вече, 2016. — 128 с., ил.
ISBN 978-5-4444-3792-6

Знак информационной продукции 12+

Острополюмический труд, основанный на редких архивных документах и фактах. Автор — Н.А. Нарочницкая — историк, политик, депутат ГД РФ четвертого созыва, руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж), президент Фонда исторической перспективы, выступает против извращения итогов и наследия Второй мировой войны и Великой Победы. Перед вами уже пятое издание этой популярной книги, переведенной на сербский, словенский, чешский, словацкий, французский языки.

Для широкого круга читателей.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-4444-3792-6

© Нарочницкая Н.А., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще тридцать лет назад такой вопрос казался неуместным, память о Войне была составной частью жизни и страны в целом и каждой советской семьи. Встречи с ветеранами, воспоминания родственников — живая связь с тем страшным временем сохранялась, и ни у кого не рождалось сомнений, с кем и за что мы воевали.

Социальная и политическая катастрофа конца 80-х годов порушила многое. Но казалось, что память о Победе, о Войне останется тем, что объединяет всех, тем камнем, который устоит в этой буре разрушения. Ведь война затронула почти все население страны. «Нет в России семьи такой, где бы не памятен был свой герой» — слова известной песни были не только метафорой.

Но память о Победе слишком сильно раздражала врагов России и мешала им. И ее стали шельмовать и подтачивать с нескольких сторон. На международном уровне ставится вопрос об ответственности Советского Союза за развязывание войны, хотя еще в 1945 году в Нюрнберге истинные виновники были названы и осуждены.

Накат на нашу память о Победе идет давно. Высшие руководители Евросоюза не только не осуждают, а даже поощряют ревизию истории. А в 2005 году Европарламент вообще предложил отказаться от празднования Дня Победы!

Но, как правильно пишет Наталия Алексеевна, поругание Победы никогда бы не приобрело такого размаха в Европе, если бы оно не началось в нашей стране. Еще недавно это невозможно было себе представить, но это произошло!

В последние годы идет целеустремленная широкомасштабная кампания по фальсификации истории войны, по искажению роли нашей армии, прославляют гитлеровских генералов в таких книгах, как «Генерал и его армия» Г. Владимова. Вместе с тем льют грязь на Жукова и на других полководцев, твердят, что мы бездарно воевали. Это никого не может оставить равнодушным. Это затрагивает смысл того дела, за которое мы воевали и боролись.

Живая память стала разрушаться, а молодое поколение, вступающее в жизнь, видит фильмы вроде «Штрафбата», «Враг у ворот», «Сволочи», где нет исторической и просто человеческой правды. А ведь это фильмы, в которых извращаются факты. К примеру, «Штрафбат». Просто осужденных в штрафбат не направляли, командовали этими батальонами не штрафники, как там показано, а кадровые офицеры, причем самые лучшие. Причем на телепередачу, посвященную этому фильму, не пригласили ни одного участника войны, ни одного человека, кто воевал в штрафбатах. Можно с ними не во всем соглашаться, но хотя бы для приличия выслушать их надо было. И эти люди утверждают, что они говорят «правду» о войне.

После окончания Великой Отечественной войны прошло более 60 лет. Выросли многие поколения, которые не имеют своего опыта, своего восприятия этого времени, которые сталкиваются с разными интерпретациями в литературе, кино, особенно в Интернете. В первую очередь для этой ау-

дитории и надо давать ответ на вопрос: за что и с кем мы воевали? Книга Наталии Алексеевны Нарочницкой на него отвечает. Здесь четко, «по полочкам» разложены ответы на основные вопросы — кто и зачем подвергает сомнению память о Войне, кто виноват в ее развязывании и почему итоги Войны затрагивают нас всех здесь и сейчас.

На встречах с молодежью меня часто спрашивают где найти правду о войне, кому верить? Я всегда говорю: верьте прежде всего себе. Изучайте факты, сопоставляйте и делайте выводы. Так же не может быть, чтобы гитлеровцы все делали правильно, воевали хорошо и вдруг потерпели поражение. А мы все делали неправильно и вдруг почему-то победили. Так не бывает, это глупость.

Жесткая централизация политической и военной власти, строгая требовательность и ответственность во всех звеньях, установившиеся в нашей стране во время войны, имели не только отрицательные, но и некоторые положительные стороны. Было и насилие, порой совершенно недопустимое и неоправданное даже с точки зрения интересов военного времени, особенно со стороны органов НКВД. Но нельзя согласиться и с тем, что все якобы держалось на насилии. Это не только несправедливо и оскорбительно для участников войны, но и не соответствует действительности. Уж какие свирепые репрессивные меры с массовыми расстрелами применяли фашисты, но они так и не смогли покорить большинство советских людей и партизан на оккупированной территории. Вообще российскими народами одним лишь насилием управлять невозможно.

После войны в Ираке американские генералы начали говорить о том, что французская, германская, русская военные

школы умерли и главенствовать должна американская военная школа, что в боях в Ираке советская техника показала себя устаревшей, дискредитировала себя. Но надо сопоставлять это с реальностью. Разве для русской или советской военной школы было допустимо без боя сдать Багдад, столицу страны? Мы же и Москву, и Ленинград, и Сталинград, и Севастополь защищали, были баррикады, минные поля, противотанковые рвы. Дома из рук в руки по несколько раз переходили. В Ираке ничего подобного не было. Там купили командиров. Чтобы применять наработки русской или советской военной школы, нужна большая нравственная сила. Ею обладают не все. Эту силу нельзя без конца эксплуатировать. У нее свои моточасы. Эту силу нужно подпитывать, накапливать.

Эта книга важна для всех, и особенно для молодежи, у которой порой складываются слишком упрощенные представления о том времени, о роли, которую сыграли политики разных стран в предвоенных событиях и развязывании войны. Многие думают, что на Западе эта тема широко обсуждается, но это не так! В 2008 году в Москве прошло очередное заседание Клуба военачальников РФ. Там были весьма серьезные и уважаемые в прошлом люди, в числе которых бывший генсек НАТО Джордж Робертсон, бывший министр национальной инфраструктуры Израиля Биньямин Бен-Элиэзер и другие. Я на этом заседании обратился прямо к Робертсону: «Раскройте дело Рудольфа Гесса, о чем вы договаривались с немцами. В мае 1945 года он ушел от ответа». Они нас учат транспарентности, открытости, а сами ничего не хотят открывать. И судя по тому, что делается по реабилитации эсэсовцев в Эстонии, Прибалти-

ке, бандеровцев на Украине, руководители Евросоюза сейчас морально становятся на позиции тех, кого мы победили.

Я считаю, что политическое руководство страны должно поставить перед европейскими лидерами главный вопрос: «Нужно или не нужно было одерживать победу над фашизмом? И чье дело мы будем продолжать — Власова и Бандеры или дело Жукова, Рокоссовского и солдата Матросова?» Следует определиться, благом был разгром фашизма или нет. Здесь должна быть твердая позиция!

Ветераны войны с большим уважением относятся к историческому творчеству Н.А. Нарочницкой и в целом поддерживают её позицию, хотя по некоторым вопросам мы можем расходиться. В частности, автору этих строк представляется необоснованной героизация Белого движения. Все же оно действовало при поддержке иностранных государств, стремившихся расчленить Россию. Порой проскальзывает стремление отделить русский народ от других народов России. Но, видимо, и в этих вопросах без определенного плюрализма не обойтись.

Бесспорно, необходимо приступить к созданию многолетнего труда об истории Великой Отечественной войны, поскольку появилось множество непрофессиональных, необъективных работ. В этом смысле книга «За что и с кем мы воевали» очень важна. Она задает рамки, мировоззренческую основу для создания такого труда. Показывает место Великой Отечественной войны в неразрывной истории России, в ее долгой борьбе за свою независимость и свободу. Важно, чтобы в новом труде уроки войны были представлены объективно, включая и наши ошибки, приведшие к тяжелым потерям.

Советское политическое руководство не хотело войны. Сталин хотел любой ценой оттянуть сроки начала войны или вовсе избежать ее. Он все подчинил этой цели. С тыла подходили свежие армии, а армии и дивизии первого эшелона не занимали оборонительных позиций — находились на положении мирного времени, чтобы не спровоцировать войну. Сталин хотел, как сегодня говорят, политическими средствами предотвратить войну. К началу войны армия, по существу, не была приведена в состояние боеготовности. Дивизии первого эшелона не успели занять свои оборонительные позиции. Это стало причиной страшных поражений нашей армии в 1941 году.

Неудачи 1941 года и несвоевременный отвод основной группировки войск Юго-Западного фронта за реку Днепр, просчеты и неумелое руководство со стороны командующих и командиров на местах привели к большим потерям в начале войны в Крыму и под Харьковом в 1942 году. Выражаясь словами А. Твардовского: «Тут ни убавить, ни прибавить — так это было на войне».

Но надо помнить и вот о чем. Размеры потерь зависели не только от Ставки Верховного Главнокомандования, военачальников и командиров. Они во многом зависели от того, как народ и общество готовят молодежь к военной службе и защите Отечества. Ведь именно общество формирует у людей отношение к обороне Родины.

В последнее время стали реже говорить о единстве армии и народа, о дружбе народов как важнейшем факторе Победы. Может быть, считают это устаревшим пропагандистским штампом или сами слова от времени чуть затерлись и потускнели. Не знаю. Но в годы той великой войны,

поверьте, они были не пустым звуком. На фронте и в тылу советские люди именно сражались — совершали и боевые, и трудовые подвиги. Во имя своего Отечества. Поэтому мы и победили.

Но теперь надо еще защитить за эту нашу Победу. И Наталия Алексеевна Нарочницкая, твердо стоящая на патриотических, государственных позициях, показывает достойный пример, как надо сражаться на военно-историческом фронте.

*Генерал армии М.А. Гареев,
доктор военных наук, доктор исторических наук,
президент Академии военных наук РФ*

Махмут Ахметович ГАРЕЕВ родился в 1923 г. в Челябинске. В рядах Вооруженных Сил — с 1941 г. На фронтах Великой Отечественной — с 1942 по 1945 г. Прошел путь от командира роты до помощника начальника оперативного отдела штаба армии. Участвуя в боевых действиях против фашистской Германии и милитаристской Японии, несколько раз ранен и контужен.

Окончил Военную академию им. Фрунзе и Академию Генерального штаба. Командовал частями, соединениями, занимал важные посты в военном руководстве страны. Начальник штаба Главного военного советника в вооруженных силах Объединенной Арабской Республики. В 1989—1991 гг. — главный советник Президента Демократической Республики Афганистан по военным вопросам.

Последняя должность перед выходом в отставку — заместитель начальника штаба Вооруженных Сил СССР. Генерал армии. Награжден 20 орденами и 30 медалями. Президент Академии военных наук Российской Федерации. Доктор военных наук и доктор исторических наук, автор многих книг и более 250 научных работ.

*Посвящается моей маме
ЛИДИИ ИВАНОВНЕ
ПОДОЛЯКИНОЙ-НАРОЧНИЦКОЙ,
партизанке Великой Отечественной войны,
и всему ее поколению*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В последние годы, вспоминая о Великой Отечественной войне, уже почти принято говорить, будто бы в войне этой виноват СССР и Победа была не победой, а поражением. Война велась якобы не за право на национальную жизнь, не за сохранение народов в мировой истории, а за американскую демократию. Этот тезис беззастенчиво тиражируется в западных СМИ. Им оперируют как само собой разумеющимся депутаты Совета Европы — этого IV либерального Интернационала, мнящего себя идеологическим ментором и раздающего сертификаты на цивилизованность. Дерзко оскорбляют Россию Прибалтийские страны и Польша. Но виноваты в этом мы сами. Ибо поругание Победы и истории никогда не было бы начато на Западе, пока оно не было совершено на Родине Победы.

Наш внутренний семейный спор и осуждение реальных и мнимых грехов мы вершили, увы, не с подобающим хри-

стианским осмыслением истоков наших взлетов и падений. Подобно библейскому Хаму мы выставили Отечество на всеобщее поругание, за что и терпим теперь кару. Как же коварно была использована неспособность перевернуть страницу истории многострадального XX века, не глумясь над жизнью отцов!

Именно отечественные глумители первыми внедрили суждение, что Советский Союз — еще худший тоталитарный монстр, чем нацистский рейх. Война же была между двумя хищниками за мировое господство, и СССР якобы чуть ли не первым готовился напасть на Германию, но Гитлер просто опередил Сталина. Наш постсоветский либерал, который «нежно чуждые народы возлюбил и мудро свой возненавидел» (как писал Пушкин), уверен, что у плохого государства не могло быть ничего правильного и праведного.

Но в памяти о войне Отечественной — войне с чужеземцами, пришедшими завоевать и поработить, споры о том, плохим или хорошим было государство, вообще неуместны. Беда случилась не с государством, а с Отечеством (это в гражданской войне решается спор о государстве).

Однако любовь к Отечеству естественно заложена в сердце человека. Ведь мы любим именно свою мать, а не мать соседа, хотя та может быть моложе, красивее, образованнее и, как сейчас модно говорить, успешнее.

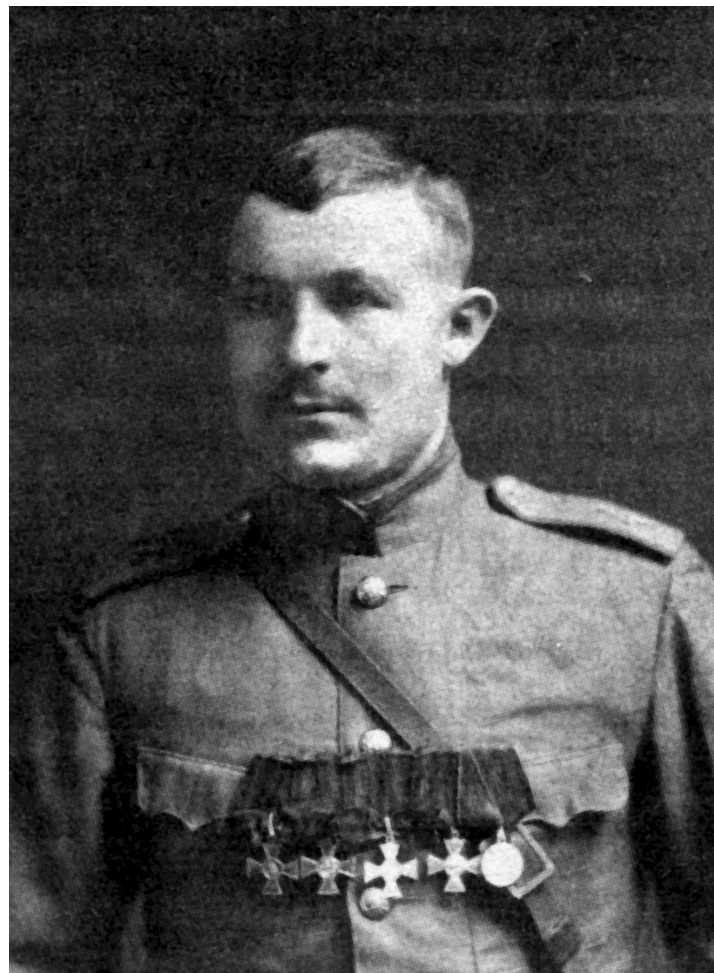
«Папа, почему написано “Защитим социалистическое отечество!”?», — спросила я, шестилетняя, гуляя с отцом по Гоголевскому бульвару, где жили мы в доме номер 29 в коммунальной квартире. Была очередная годовщина Победы, и всюду были развешаны плакаты военного времени. «Какая

разница, какое оно — Отечество, если враг напал? Разве, если бы немцы на нас до революции напали, мы точно так же не защищались бы?» Тогда — защищались. Уверена, что мой дед — Иван Демьянович Подолякин — прапорщик Русской армии, полный Георгиевский кавалер Первой мировой войны, и моя мать — Лидия Ивановна Подолякина — бесстрашная партизанка Великой Отечественной войны — защищали от внешнего врага в 1914 и 1941 годах одно и то же Отечество, хотя государства были разные и у разных людей были к ним разные претензии. В нынешнем состоянии национального презрения нам внушают, что можно ненавидеть свое Отечество и даже желать ему поражения, если государство устроено не так, как хотелось бы.

Конечно, проще любить свое Отечество, когда можно им гордиться, когда оно сильно и все его уважают и боятся. Но именно когда мать повержена и лежит, оплеванная, осмеянная и покинутая всеми, только тот сын, кто не отвернется, проходя мимо, а закроет собой и оградит от поругания.

*Фото Матери – партизанки Великой Отечественной
и деда – прапорщика Русской армии,
полного Георгиевского кавалера*

ОБ ОТЕЧЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Можно ли оставаться верным Отечеству и его вечным преемственным национальным интересам, даже когда государство вызывает критику и разочарование? Бывает ли идеальное государство без несовершенств и грехов? Когда уместно и правомерно спорить о государстве и когда нация обязана подняться над этим, отложить распри по поводу устройства государства и объединиться, чтобы защитить Отечество, иначе нечего будет обсуждать потом, не будет вообще никакого *потом*? В этом следует разобраться, ибо затрагивает глубинные основы исторического сознания нации, от которого зависит ее будущее.

Существует прямая связь между самопредательством нации и наступлением на позиции страны извне, как и между либерально-пацифистскими нападениями на родную армию во время войны за территориальную целостность страны и переходом противника к террористическим актам против гражданского населения, не ощущающего связи с армией и борьбой за неделимость Отечества. Сознание, утратившее связь с почвой и традицией, особенно безрелигиозное, будь то ультрамарксистское или ультралиберальное, порождает утилитарное, прагматическое отношение к государству. Оно утрачивает понятие Отечества, питавшее национальное со-

знание в предыдущие века, которые и явили миру великие державы и великую культуру.

Христианское, особенно православное, сознание рождает совсем иное национально-государственное мышление — ощущение принадлежности к священному Отечеству, которое не тождественно государству — политическому институту со всеми его несовершенствами и грехами. Но такое отношение возникает сначала у глубоко религиозного народа, ощутившего сакральность не только личного, но и национально-государственного бытия как дара Божия, а затем передается в сознании из поколения в поколение.

В национальном самосознании православного почвенно-го человека главным компонентом является **чувство исторической преемственности, острое переживание принадлежности не только и не столько к конкретному этапу или режиму в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества, его будущему за пределами собственного жизненного пути.** В этом — преодоление гордыни, а значит, смертности, конкретности личного бытия, когда индивидуальное восприятие истории выходит за рамки одной жизни, проявляя в национальном сознании бессмертную природу души.

Именно поэтому русские люди — не только верующие, но и в душе бессознательно православные — пишут (и мыслят) Отечество с большой буквы, что вызывает презрительный смехок у либералов. Для верующего Отечество — это Дар Божий, врученный для непрерывного национально-исторического делания с его взлетами и неизбежными падениями, которые не отчуждают от Родины даже человека, разочарованного в сегодняшнем положении государства.

Такой человек никогда не сможет презирать свою страну и глумиться над собственной историей.

Еще пока многие, слава Богу, произносят слово *Отечество* с трепетом, хотя немногим понятно, из каких глубин оно идет — из Послания апостола Павла ефесянам: «...Преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется **всякое отечество** на небесах и на земле» (Еф., 3: 14—15). Переживание Отечества есть производное от переживания Отца небесного.

В переводах на европейские языки этого текста «отечество» звучит как *land* — земля. Вот почему русские князья задолго до того, как сложилось единое общерусское государство и даже русская нация, клялись не своим княжьим престолом, а землей русской!

В таком переживании Отечество — это метафизическое понятие, а не обожествляемое конкретное государство с его институтами, несовершенствами и грехами. Но именно с ними «эту варварскую страну» или «проклятый капиталистический режим» отождествляют и либеральные, и ультра-красные «граждане мира» — ведь у либералов «где хорошо, там и отечество», а у «пролетариев и вовсе нет отечества», кроме социализма.

ИСТОРИОСОФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ходе Великой Отечественной войны проявилось, что «унесенные ветром» либералы, в свое время приветствовавшие разрушение христианской империи и революцию как таковую, меньше любили Россию, чем они ненавидели «большевиков и Советы». Те просто их обошли и присвоили плоды этой революции. Но «унесенные ветром» почвенники, например А. Деникин, воевавший против большевиков, С. Рахманинов и тысячи других, никогда не симпатизировавших революционным идеям, изгнанные революцией, из-за нее потерявшие Родину, тем не менее желали победы Красной армии.

Когда к Деникину обратились неофициальные эмиссары от власовцев с предложением благословить власовскую армию своим авторитетом борца с большевизмом, то он в гнев отверг такое предложение и воскликнул: «Я воевал с большевиками, но никогда с русским народом. Если бы я мог стать генералом Красной армии, я бы показал немцам!» Рахманинов до изнеможения давал концерты по всем Соединенным Штатам и пересылал деньги Сталину, после чего его произведения, ранее запрещенные, стали исполняться в СССР.

Для них сохранение любимого Отечества для будущих поколений было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного «режима». Любовь оказалась больше ненависти, как и требует христианская заповедь... Они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». А власовцы, похоже, считали, что лучше никакой России, чем Россия большевистская.

Этого не смогли понять и не хотят до сих пор усвоить ни постсоветские прекраснодушные либералы (непрекраснодушные это понимают и всячески стремятся развенчать память о войне), ни ортодоксальные ленинцы, ни, как это ни парадоксально, кипящая ненавистью к ним та часть русской эмиграции, именующей себя белой, которая тщится морально и исторически обесценить Великую Победу и оправдать власовщину. Новый раунд этих попыток повторяется сейчас.

НЕЛЬЗЯ ОПРАВДАТЬ ВЛАСОВЩИНУ

Даже беглый взгляд на сложные мотивации тех эмигрантов, чье решение в меньшей степени было определено обстоятельствами личных перипетий судьбы (казаки и некоторые другие), связавших себя с власовцами, показывает: размежевание, за некоторыми исключениями, прошло именно по линии «либералы и почвенники». Для либералов, как и для пламенных ультралевых большевиков, важнее соответствие устройства государства некоей универсальной доктрине, для почвенников — сохранение вечного Отечества, даже при «неугодном государстве».

Не будем судить (да не судимы сами будем) солдат власовской «армии» по отдельности — среди них оказались не только банальные предатели, но несчастные, морально сломленные люди со сложнейшей личной судьбой. Но сам генерал Власов подлежит суду историческому, ибо взял на себя ответственность за других и предлагал им историческую цель. И приговор ему уже сделан. В истории он останется предателем, помогавшим врагу терзать и убивать Родину-мать. Не менее важно дать ответ поклонникам и адвокатам Власова из русского зарубежья. Они желали победы оккупантам и поражения собственному правительству — точно повторяя подход и мышление В.И. Ленина в

1914 году. Протоиерей Александр Киселев из Русской Зарубежной Православной церкви, благословлявший этого генерала, в своей апологетической книге «Облик генерала А.А. Власова» поражает отсутствием какой-либо убедительной аргументации для оправдания предательства. Похоже, священник тоже не отличил государство — политический институт, всегда греховный и несовершенный, и **Отечество, которому угрожало исчезновение.**

Сам Власов в пропагандистских обращениях обосновывал свою измену разочарованием «в большевицкой власти», которая «не оправдала те чаяния, которые с ней связывали...». На это с благоговением ссылается Е. Вагин в глумливой статье о 50-летию Победы в мюнхенском журнале «Вече» (№ 55.1995).

Оба автора, похоже, не осознают, что именно с позиций «белого» патриотизма А. Власов больше всего и развенчивает сам себя. Как белый патриот мог иметь «чаяния» в идеях революции, которые именно вначале в наибольшей степени содержали и демонстрировали антихристианские и антирусские цели? Пожалуй, лишь генерал Краснов с его казачьей армией вызывают скорбное сострадание их судьбе — быть раздавленными жерновами истории — для него Гражданская война не кончалась...

Столь же абсурдны, сколь морально удручающе рассуждения о лучшем исходе для русских в случае завоевания фашистской Германией. Гитлер имел план «Ост» — сокращение европейского населения СССР, то есть русских, белорусов и украинцев, общерусской нации на 40 %, насильственное перемещение рабской рабочей силы.

Также смешны и рассуждения теоретиков Народно-трудового союза о временности союза с Гитлером и будущей

борьбе жалких формирований Власова (танки и пушки откуда возьмутся?) уже против рейха и его колоссальной военной машины. Даже если бы СССР, освободив свою собственную территорию, заключил бы сепаратный мир с гитлеровской Германией, то у Германии под полным контролем оставалась еще не только своя достаточная сила, но и совокупная мощь всей поставленной на службу рейха Европы. Чтобы ее сломить до конца, потребовались десятки миллионов жизней и четыре года невиданного духовного и предельного физического напряжения.

И наконец, главное, нравственная и мировоззренческая сторона вопроса: исторически невозможно оправдать попытки развязать войну гражданскую за спиной войны Отечественной. **Ибо против чужеземцев, пришедших превратить нацию в рабов, «сожрать ее пшеницы груды и высосать ее моря и руды», любой народ во все времена сражается только и только за Отечество, какие бы символы ни были на знаменах.**

Народно-трудовой союз — зарубежную эмигрантскую опору власовцев — некоторые сегодня в России пытаются представить рупором всей старой русской эмиграции. Но по свидетельству внука великого писателя Н.И. Толстого, выросшего в русской среде довоенного Белграда, 80—85 %, ненавидя большевизм, сочувствовали Красной армии, потому что страстно переживали за Родину, которую топтали чужеземцы. «Пораженцев» было не более 15—20 %. Они-то в «холодной войне» и встали на сторону «мировой закулисы», как и сам НТС, который поначалу объединял пламенных патриотов России. Но их деятельность именно *после мая 1945-го* стала исторически абсурдной.

В это время прозорливые уже понимали подоплеку мировых процессов и чувствовали, что *после Великой Отечественной войны Запад боролся уже не с коммунизмом, который остался лишь инструментом соблазна для постколониального мира, а с геополитически приемственным ареалом исторического государства Российского*. Это обрекало все заграничные русские структуры с политическими целями вольно или невольно оказаться под колпаком западных спецслужб. Как бы искренни ни были их члены, эти организации и их деятельность против СССР не только не могли способствовать «освобождению» России от «большевизма», но, став инструментом могущественных антирусских сил, лишь помогали обрушить ее с трудом выживший каркас.

Однако тезис, что не русский народ, а лишь «большевики» и подневольные сражались с родственным фашизмом за мировое господство, продолжал внедряться в сознание в течение десятилетий, чему служит и проникшая в посткоммунистическую Россию пропаганда НТС. В такой интерпретации «ярость благородная» обесмыслена, а война перестает быть опорным пунктом национального сознания, ибо у русских в XX веке вместо национальной истории остается лишь погоня за ложными идеалами. Однако сами стратеги западной политики хладнокровно оценили, что война стала *Отечественной*, изменила сознание в коммунистической России и *воссоединила в душах людей, а значит, потенциально и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки нить русской и советской истории*.

При исследовании процессов в общественном сознании нельзя обойти факт, что в годы Отечественной войны

в КПСС вступила огромная масса людей, которые по своему происхождению и сознанию (крестьяне) отличались от ранних большевиков, замышлявших мировую революцию в женевских кафе, и для которых Россия была «вязанка хвороста» в великом пожаре планетарных классовых битв.

Второе «советско-партийное» поколение значительно выхолостило ортодоксально-марксистские основы воззрений на отечественную историю и развитие мира, ибо связало с коммунистическими клише собственный традиционализм. Они инстинктивно искали совмещения с марксизмом естественного побуждения человека созидать на своей земле, а не разрушать ее во имя всемирных революционно-прогрессистских абстракций. Строительство «коммунизма» парадоксально стало «продолжением» русской истории, что вызвало бы (доживи они) ярость Ленина и Троцкого.

Этому второму советско-партийному поколению менее всего за весь XX век было свойственно «западничество» в какой-либо форме. Благодаря этому — военному — поколению, вдохновленному духом мая 1945-го, был смещен акцент с «внутренней классовой борьбы» на единственно возможный тогда вместо русского «советский» патриотизм. Именно это в сочетании с осязаемыми итогами Великой Победы не устраивало Запад.

Западу было чего опасаться. Российское наследие было препарировано и инкорпорировано в советскую государственную доктрину, уже сильно отличавшуюся от замыслов пламенных революционеров ленинско-бухаринско-троцкистского типа. Многие работы основоположников были заперты за толстыми стенами ИМЭЛа. III Интернационал в итоге оказался в гостинице «Центральная» под домашним

арестом, в КПСС наметилось негласное противоборство национально-державной и космополитической линий, за которым пристально следили спецслужбы США, а также внутренние носители антирусского начала. (Красноречивым свидетельством бдительного и весьма профессионально организованного отслеживания ростков русской мысли и духа и малейших колебаний партийной идеологии служит «аналитическая сводка» о состоянии современного русского самосознания и о так называемой «русской новой правой»¹.)

Как ни малы и объективно ограничены были эти колебания в рамках господствовавшей идеологии, одна лишь возможность выживания не то что ростков — семян русского самосознания таила страшную опасность для антирусского проекта XX века. Его творцы чувствовали себя спокойно лишь при полном вытравливании этих семян.

Сколько бы русские ни спорили о войне, суждения и деятельность титанов западноевропейской политики — Черчилля, де Голля и других, вся западная стратегия и, наконец, обширная зарубежная литература по международным отношениям свидетельствуют: после мая 1945 года Советский Союз в западном мире рассматривался как «опасная», а сочувствующими силами мира как обнадеживающая геополитическая предпосылка к потенциальному самовосстановлению России.

В общественном сознании противостояние Запада и СССР после войны было намеренно сведено исключительно к демагогии о борьбе коммунизма и демократии. Это было

нужным для того, чтобы потом обосновать **правомерность замены итогов Второй мировой войны, которую СССР выиграл, на итоги «холодной войны», которую СССР проиграл, причем проиграл в роли носителя коммунистической идеи.**

Идея и носитель были повержены с афишируемым треском. Теперь задумаемся: ведь это ликование на Западе странно не соответствовало абсолютной безвредности идеи коммунизма для Запада в силу ее уже полной непривлекательности в конце XX века. Празднование «одоления империи зла» связано с тем, что под видом коммунизма, казалось, удалось еще раз похоронить в зародыше потенциальную возможность исторического возрождения России. Для Запада и внутренних постсоветских либералов-западников надо было сделать так, чтобы под флагом прощания с тоталитаризмом вышвырнуть отеческие гробы вовсе не советской, а многовековой русской истории.

¹ См.: Янов А.Л. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988; Нева. 1992. № 9—12.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНО ПОРУГАНИЕ ПОБЕДЫ

Когда Россия выходила из-за «железного занавеса», весь мир не без корыстного интереса ждал, что же скажет страна Достоевского на вызовы XXI столетия, сумеет ли она с национальным достоинством переосмыслить свою историю, с чем пойдет в будущее. Вместо формулирования национальных идеалов за пределами материального, вместо подлинного исторического проекта постсоветские идейные гуру перестройки прорыдали: «Рынок, PEPSI» — и всю свою энергию обрушили на обличение собственной истории.

Приходится сделать вывод, что не только марксизм-ленинизм в 1914—1918-м, но и диссидентство сыграло в жизни Отечества зловещую роль. Как и любое протестное движение, диссидентство было питаемо реальными противоречиями, бедами и грехами государственной жизни. Но, как и ортодоксальный марксизм первых большевиков, диссидентство, за исключением небольшого национального отряда, сразу распознанного и преданного остальными, было формой отторжения русского исторического и духовного опыта. Поэтому оно оказалось инструментом разрушения государства и мировой политики. Постсоветские либералы, выпестованные на демократической платформе КПСС, диссиденты, шестидесятники подобно первым большеви-

кам полностью утратили связь с чем-либо национальным вообще. Мнимые борцы с коммунизмом, они боролись не с антирусским революционным замыслом о России, а с собственной государственностью.

Растеряв свои положительные идеалы, мы на время остались только с чувством неуважения к своему прошлому, со знанием лишь того, чего уже *не* хотели в будущем, во что уже больше *не* верили. И нация, упоенно развенчивавшая грехи государства в эпоху безвремения и смятения личного и национального самосознания, позволила распять свое Отечество.

Пока Россия демонстрировала неспособность найти согласие ни по одному вопросу своего прошлого, настоящего и будущего, весь остальной мир пожинал плоды нашего национального нигилизма и безверия.

Но история, награждающая за покаяние, не прощает самопредательства. Большевики уже пытались упразднить ошельмованную тысячелетнюю русскую историю до 1917 года. В наказание на них обрушились «братья по классу» во вражеской военной форме, и страна в 1941-м возопила о помощи к своей преданной истории, которая простила на первый раз и вдохнула дух национального единства. Иные большевики от либерализма глумятся над Великой Отечественной войной и жизнью отцов, и трагедия 1917 года вновь повторяется в конце века:

*С Россией кончено, на последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах.*

*Не надо ли кому земли,
Республик да свобод?
И Родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль...
О, Господи! Разверзни, расточи!
Пошли на нас огонь, язвы и бичи!
Германцев с Запада, монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного суда!*

М. Волошин, 1917 год

Германцы уже были...

Право на будущее имеет только тот, кто уважает свое прошлое. История всегда находит путь преемственности, и поэтому ее нельзя разделить и зачеркнуть ни одной страницы, даже трагической и печальной.

Почему противникам возрождения российской державности выгодно, чтобы не было преемственности русского и советского исторического сознания? Этим достигаются фундаментальные цели.

Во-первых, в такой интерпретации война перестает быть Отечественной, а значит, у русских в XX веке нет национальной истории, нет легитимной государственности, следовательно, правомерны любые внешние вмешательства и внутренние мятежи и сепаратизм.

Во-вторых, идея, что СССР в его битве с гитлеровским рейхом был таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и праву ревизовать итоги Ялты и Потсдама.

Эта война якобы велась союзниками не за жизнь, не за историческое существование европейских народов, которым угрожала физическая гибель и прекращение национальной жизни, а исключительно за торжество американской демократии. Не случайно именно в период подготовки расчленения СССР — в 70—80-х годах — в общественное сознание как Запада, так и России внедрялось суждение о тождестве всемирных целей Гитлера и Сталина, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за господство. И вот уже Суворов — не Рымникский, Румянцев — не Задунайский, Потемкин — не Таврический, Паскевич — не Эриванский, Муравьев — на Карский, Дибич — не Забалканский. Россию оттесняют с морей, говорят, что русским не принадлежит ни пяди земли, которую они полили своей кровью и которой дали свое имя.

Как поздно заметили, что, избавляясь от надоевшего всесилья косной КПСС, под либеральной и антикоммунистической фразеологией сохранили и даже вновь заострили марксистскую нигилистическую интерпретацию всей российской истории. Пафос обличения «тюрьмы народов» мог по силе ненависти к русской истории сравниться лишь с 20-ми годами, потому что воспроизводил давно забытые поношения России троцкими и бухариными. Как отечественные «либералы», так и Запад подвергли наибольшему поношению в советском периоде именно спасительный отход от ортодоксального марксизма и элементы исторической преемственности в общественном сознании, в оценке национальных интересов, мало зависящих от типа власти.

Немногих насторожило, что **Запад приветствовал разрушение державы советской теми же словами, которыми**

приветствовал разрушение державы Российской. Ведь когда в России грянула большевистская революция и страна временно распалась, якобы антикоммунистическая Америка это приветствовала — загадочный alter ego президента В. Вильсона полковник Хауз посоветовал ему «заверить Россию в нашей симпатии к ее попыткам установить прочную демократию и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку».

Именно на фоне первого распада России США провозгласили первый универсалистский проект перестройки мира на основах «демократии и общечеловеческих ценностей» — Программу из 14 пунктов. Программа президента США Вудро Вильсона формально провозглашала единство России. Но фактическим автором документа был помощник полковник Э. Хауз. Расшифрованный в «Архиве полковника Хауза» пункт 6, посвященный России, гласил: «Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу российских народов». Этот план предполагал на территории Российской империи *«признание де-факто существующих правительств» и «помощь им и через них»* — украинскую Раду, оккупированные кайзеровскими войсками Эстонию, Латвию, Литву, а также отдельно и большевиков, и белых, как и вывод из самопровозглашенных территорий *всех иностранных войск*¹ (в том числе и Белой, и Красной армий, могущих восстановить единство страны). **Это означало не что иное, как**

международное признание и закрепление расчленения исторической России.

Когда двигатель «свободы и демократии» в Москве, Киеве и Тбилиси президент Буш-старший, пообещав признание Украине, благословил Беловежские соглашения, когда США признали Грузию, не дожидаясь легитимизации тбилисского режима, невольно вспомнились времена Брестского мира, Хауз и В. Вильсон с их программой из 14 пунктов, план Ллойд Джорджа по расчленению России, попытка признать сразу все «де-факто» существующие правительства на территории «бывшей» Российской империи.

Под аплодисменты поборников демократии и прав человека и под флагом прощания с тоталитаризмом были сданы вехи и итоги вовсе не советской, а трехсотлетней русской истории! Кто вспоминает сегодня, что нынешний 2005 год — это 150-летие Севастопольской обороны и Крымской войны? Где Ништадтский мир, где Полтава?

И когда Россия наконец осознала, что выходы к морю, судоходные реки и незамерзающие порты одинаково нужны монархии XVIII века и демократии XXI, а с помощью блоков и союзов проходят через проливы не только имперские пушки, но и танкеры с нефтью, давление на некоммунистическую Россию по сравнению с большевистским СССР многократно возросло.

Нынешнюю прозревающую и восстанавливающую свое национальное сознание и духовный стержень Россию стали обвинять в отступлении от «демократии».

¹ См.: The Intimate Papers of Colonel House. London, 1928. Vol. IV. P. 202—204.

ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ

Наступает черед и последней святыни — Великой Победы в Великой Отечественной войне. Либералы-западники упорно навязывают нам версию о воевавших двух идеологических монстрах, равно угрожавших мировой демократии. Но ведь это зеркальное отражение всего лишь вульгарно-марксистской интерпретации, которая проявлялась в хрущевские времена: тезис о том, что СССР вел войну не с Германией, а лишь с «социально-классовой системой фашизма». Это забвение нам дорого обошлось разрушением национального самосознания.

Ставшие лимитрофами Латвия и Эстония, Польша и Чехия празднуют освобождение Освенцима и оскорбляют его Освободителя — того, кто спас Европу, и прежде всего их самих, от нацистского порабощения, от превращения наций в безликий человеческий материал без языка и культуры, без грехов и достижений — без истории.

Нашумевшая книга «История Латвии», которую президент Латвии Вайре Вике-Фрейберга торжественно вручала государственным деятелям, вряд ли когда-нибудь удостоилась бы внимания, если бы не выполняла определенную роль. Без ссылок на документы, произвольно опускающая и акцентирующая события и факты, она явно написана для

иностранцев и напоминает местами справочник-путеводитель по этнографии и истории «маленького, но гордого народа», пострадавшего от имперской угнетательницы России и тоталитарного СССР. Такой идеологической заданностью книга вызывает аналогии со статьями в Большой Советской энциклопедии времен истматовского единомыслия.

Однако презентация этой книжки на официальной церемонии в Освенциме не случайна, как, впрочем, и финансовая помощь международных фондов, а также посольства США в Латвии в лице некоей «Комиссии по демократии». Книга «История Латвии» — это не просто неприятный эпизод в двусторонних латвийско-российских отношениях.

На самом деле это «справочник-путеводитель» по истории XX века, вернее, пособие по новому ее прочтению. С предисловием президента страны книга обретает официальный статус и становится официальным вызовом интерпретации Второй мировой и Великой Отечественной войн. Тиражируемый до сих пор в основном в СМИ образ двух тоталитарных монстров, попеременно порабошавших народы вплоть до сегодняшней эры вселенской демократии, становится инструментом международной стратегии, которая должна увенчать все, достигнутое Западом в последние 15 лет.

Стратегия заключается в полной и окончательной демонизации коммунистического «сталинского» СССР. Для этого нужно отождествить коммунистический Советский Союз с гитлеровским нацистским режимом, привести уже несуществующий СССР задним числом к некоему виртуальному Нюрнбергскому процессу и уже открыто объявить Ялтинско-Потсдамскую систему итогом борьбы равно от-

вратительных тоталитарных режимов, результатом пакта Молотова—Риббентропа, с которым Запад вынужден был временно смириться.

Следующий этап — обесценение подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами и всем юридическим основанием территориальных реалий и военно-стратегических симметрий, включая оставшуюся договорную систему вооружений и Устав ООН с его принципами невмешательства и суверенитета, отторжение Калининградской области, вытеснение России с Балтики, Черного моря и Тихого океана.

Противодействие этой стратегии накануне 70-летия Великой Победы есть не дань оскорбленной гордости, а непременное условие сохранения России как самостоятельного и значимого субъекта международных отношений, что должно стать задачей ответственного политического руководства и всего общества.

ТЕРРИТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Следует осознать, что демонизация «сталинского» СССР осуществляется вовсе не из моральных побуждений, иначе пришлось бы осудить и В.И. Ленина, поскольку по массовости и жестокости репрессий (не без помощи латышских стрелков) ленинский период был не лучше. Однако Ленина Запад всегда щадит, по-видимому, в благодарность за сокрушение Российской империи. Документы, касающиеся позиции США и Британии в отношении охваченной гражданской войной России, неопровержимо свидетельствуют не о цели сокрушить советскую власть, а о нежелании восстановления территории Российской империи, о закулисной игре прежде всего США с большевиками, о попеременном сотрудничестве союзников то с Красной армией против Белой, то наоборот, закончившемся в целом предательством Антантой именно Белой армии.

Записи заседаний «Совета» Антанты в ходе подготовки Версальского мира 1919 года, переписка эмиссаров США по русскому направлению с Государственным департаментом, документы Комиссии по иностранным делам Сената США показывают ориентацию Британии и США на закрепление

отделения от России, прежде всего Прибалтики и Черноморских регионов. Англичане появились в Прибалтике в декабре 1918 года, после ухода оттуда немцев. Посаженные еще немецкими штыками для германских целей, прибалтийские самопровозглашенные режимы, никем не избранные, быстро переориентировались на Британию. В августе 1919 года английский эмиссар потребовал от белого Северо-западного правительства при генерале Юдениче «признать эстонскую независимость, иначе Антанта прекратит помощь». Помощи не последовало даже в дни наступления Юденича, а «независимое» эстонское правительство в ответ на просьбу о помощи ответило, что «было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это».

Тщетно последний русский посол в Вашингтоне Бахметьев направлял Государственному департаменту перечень условий для России при разработке мирного урегулирования, в который входили «безоговорочное аннулирование Брест-Литовского договора и других соглашений, заключенных Германией после 7 ноября 1917 г. с властями, действующими от имени России или политическими и национальными группировками, претендующими на власть в любой территории бывшей Российской империи»¹.

В это время молодой А. Даллес (вместе с братом Дж. Ф. Даллесом участвовавшим в разработке американской позиции) шлет из Прибалтики совсем другой план, предлагая немедленно воспользоваться провозглашением

независимой Литвы и антирусскими настроениями Ю. Пилсудского. Даллес подчеркивает «необходимость срочной военной помощи», с тревогой сообщая, что «литовское правительство (Тариба) отошло на Запад от Вильно к Ковно, а в Вильно сформировалось советское правительство»¹.

Британия — союзница России — фактически признает Латвию, поскольку ее представитель в Лондоне британец Г. Симсон передает послу США «протест от имени временного правительства Латвии в связи с тем, что германские войска вопреки статье XII Компьенского перемирия покидают Латвию, оставляя ее открытой для занятия красными или белыми войсками, которые под разными флагами могли объединить страну»².

Но Антанта так и не признала ни одно из белоэмигрантских правительств России, в связи с чем А.И. Деникин горько отмечал, что одновременно «они охотно и торопливо признавали все новые государства, возникшие на окраинах России». А Польша? Ведь Ю. Пилсудский остановил Буденного только с помощью Врангеля, ударившего в тыл большевикам. Но когда большевики, заключив Советско-польский договор, перебросили войска на юг, ни поляки, ни французы помогать белому Крыму не стали, а Пилсудский цинично заявил: «Пусть Россия еще погнет лет 50 под большевиками, а мы встанем на ноги и укрепимся»³.

¹ Ibid. Memorandum by A.W. Dulles. 30 December 1918. P. 481—482.

² Ibid. «Ambassador of the USA in Britain (Davis) — to acting Secretary of State». London, 20 Dec. 1918. P. 479.

³ Мацкевич Ю. Победа провокации. Лондон (Канада), 1983. С. 91—94.

¹ Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash., GPO, 1942. P. 477.

Общий тон английской политики был определен самим Ллойд Джорджем в английском парламенте, когда он прямо сказал, что «сомневается в выгоде для Англии восстановления прежней могущественной России»¹. Антанта вовсе не боролась с советской властью как таковой, хотя и сдерживала проникновение революции в свои страны, а искала возможность закрепить уменьшение геополитической величины, каковой была Российская империя.

У внешнеполитического представителя Деникина в Европе С. Сазонова (министр иностранных дел России с 1914 по 1916 год) были сведения касательно «грандиозного плана Англии, имевшего целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ должен быть буфером, совершенно самостоятельным от России, между нею и Турцией и Персией таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан, чтобы раз и навсегда преградить путь в Индию. Персия попадала целиком под власть Англии, а “независимость” Кавказа, Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями». Подобные очертания промелькнули в некоторых англосаксонских эскизах послевоенных конфигураций в ходе Второй мировой войны, перечеркнутых победой Советской армии. Этот план — прообраз событий на постсоветском пространстве после 2000 года.

Итак, осудив Ленина, пришлось бы сочувствовать Великой России — «единой и неделимой», а она-то и есть

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. М., 1993. Кн. 2. С. 209.

первый предмет ненависти, «сталинский» СССР после мая 1945-го всего лишь второй, и вовсе не из-за репрессий, ненавистных и нам самим, а из-за победной державности. Поэтому ленинская Советская Россия, в которой убивали священников и рушили церкви, расстреливали крестьян и гимназисток без всякого суда и следствия, не вызывает осуждения. В. Ленин ведь был западником, а большевизм — формой отторжения не только всего национального русского, но и всего державного — российского. Для Ленина Европа должна была найти образцовое воплощение в революционной России.

«Сталинизм» же, если оценивать идеологическую особенность его исторической философии по сравнению с ранним большевизмом, сохранял революционное отторжение православно-русского мировоззрения, но осуществил некую инкорпорацию «русского великодержавного». Это произвело мутацию марксизма на почве русского сознания масс и позволило возникнуть «духу мая 1945 года». С ним советское великодержавие достигло уровня системообразующего элемента мирового устройства. Во второй половине XX века западная историография в ответ прочно и окончательно привязала клише «советский империализм» к русской и древнерусской истории.

Реакция окружающего мира на преодоление максималистских установок раннего ортодоксального большевизма была отрицательная! Восстановление традиционных ориентиров внешней политики СССР вызывало еще большее противодействие Запада, хотя идея мировой революции ему как раз уже не грозила. В ответ на рецидив великодержавия сразу стали искать корни «сталинского деспотизма» не

у Робеспьера, Томаса Мюнцера или Иоанна Лейденского — родоначальников революционного террора, даже не у Петра Великого, но у Ивана Грозного и Чингисхана, хотя большевики Октября 1917-го первоначально рассматривали как «наследников Просвещения и Великой французской революции», закрывая глаза на их революционный террор.

В отличие от отечественных исследователей западные историки всегда были осведомлены о сущности коллизии между Троцким и Сталиным. Именно «деленинизация» революции, но не репрессии, которые масштабно велись при Ленине, вызывает неприятие послеленинского периода в СССР. Что может быть красноречивее, чем добросовестное признание мангеймского профессора-советолога Э. Яна, исследовавшего нюансы именно западной советологии: «Чем менее рабочий класс за пределами Советского Союза проявлял себя как революционная сила, тем более увеличивалась традиционная дистанция между Россией и Европой». «Русификация советского представления об истории еще более углубляла пропасть между образами “полуазиатской” России и Европы... **Здесь до сего дня находятся точки соприкосновения сталинизма и постсталинизма с дореволюционным антизападническим славянофильством**»¹ (выделено мной. — *Н.Н.*).

Именно последняя оценка как нельзя лучше характеризует содержание, которое вкладывает либерально-западническое сознание как за рубежом, так и в сегодняшней

¹ *Ян Эгберт*. Исследования проблем мира и конфликта «Восток — Запад». Доклад Гессенского фонда исследований проблем мира и конфликтов. М., 1997. С. 183.

России в термины «сталинизм» и «постсталинизм». Это добавление весьма красноречиво — этим термином уже очевидно обозначено вовсе не зловещее время репрессий, как раз роднящее Ленина и Сталина, а некая историко-философская аксиоматика интерпретации мировой истории, в которой российское великодержавие перестает быть бранным словом. Это вполне соответствовало духу позднесоветской космополитической интеллигенции, которая ненавидела Сталина не столько за репрессии, где он не был первым, как за его «великодержавный шовинизм», хотя в этом не признавалась.

Но в свое время все эти изменения были немедленно замечены русской эмиграцией и даже побудили некоторых сделать, увы, преждевременный вывод об уничтожении марксизма и отставке коммунизма. Так, Г. Федотов — социолог и философ либерального направления, откликнувшийся в эмигрантских изданиях на все нюансы советской жизни 30-х годов, даже счел идеологические изменения долгожданной подлинной «контрреволюцией», справедливо полагая, что ленинско-троцкистские идеологи должны быть чрезвычайно разочарованы.

Он отмечал возвращение людям национальной истории вместо вульгарного социологизма ортодоксального марксистского обществоведения и полагал, не без оснований, что несколько страниц ранее запрещенных Пушкина и Толстого, прочитанные новыми советским поколением, возымеют больше влияния на умы, чем тонны пропаганды коммунистических газет. Любопытно, что Г. Федотов с удовлетворением комментировал в парижской «Новой России» (№ 1. 1936) «громкую всероссийскую пощечи-

ну», которую получил Н. Бухарин, редактор «Известий», за «оскорбление России».

Бухарин — один из пламенных ультралевых большевиков по мировоззрению и активности в погромах традиций русской жизни и литературы. Ведущий американский советолог Стивен Коэн с очевидной тоской называет именно его «последним русским большевиком», «последним русским интернационалистом» — «альтернативой сталинщине». В статье, посвященной памяти Ленина, 21 января 1936 года Бухарин назвал русский народ «нацией Обломовых», «российским растяпой», говорил о его «азиатчине и азиатской лени». Неожиданно за свои совершенно ортодоксальные марксистские сентенции Бухарин получил резкую отповедь. Газета «Правда» назвала его концепцию «гнилой и антиленинской», а сама воздала должное русскому народу не только за его «революционную энергию», но и за гениальные создания его художественного творчества и даже за грандиозность его государства.

Г. Федотов писал, что русскому исследователю должно быть «совершенно неинтересно, смог или не смог оправдаться Бухарин перед судом ленинского трибунала», созданию которого сам Бухарин так способствовал. Действительно, в этом он, подобно Троцкому, совсем не раскаивался, о чем говорит его предсмертное письмо к Сталину из камеры. В нем он пишет об «искренней любви к партии и всему делу», с пониманием относится к периоду репрессий и даже готов поработать на это замечательное дело «с большим размахом и с энтузиазмом» в Америке, «перетянуть большие слои колеблющейся интеллигенции», вести «смертельную борьбу с Троцким». Бухарин даже предлагает послать для слежки за

ним квалифицированного чекиста, а «в качестве дополнительной гарантии на полгода задержать здесь жену», «пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К^о»¹.

Интересна та сторона расправы над Бухариным, в которой именем одного демона революции — Ленина другой демон революции — Сталин «сводил счеты с самим Лениным». По мнению русской эмиграции, вполне обоснованному, бухаринская «гнилая концепция» была как раз чисто ленинской, но также имела за собой почтенную историческую давность, восходя к Салтыкову-Щедрину, Белинскому и Чаадаеву, то есть всем поколениям «ненавидящей и презирающей» просвещенной интеллигенции².

После мая 1945 года СССР восстановил территорию исторической России и вновь стал великой державой. Но что бы ни писали о русском империализме и отечественные, и зарубежные авторы, общим итогом последних десяти веков остается неоспоримый факт, что с XI до XXI столетия именно Запад с острием из восточноевропейских католиков постоянно продвигался на восток, а рубежи колыбели русской государственности едва удерживались, да и то с переменным успехом. «В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнокатолическому миру западные русские

¹ Письмо от 10.XII.1937 г. Архив Президента Российской Федерации // Родина. 1993. № 2. С. 32—34.

² Цит. по: Федотов Г. Полное собрание статей. В 4 т. Т. III. Тяжба о России (Статьи 1933—1936 гг.). Париж: YMCA-Press, 1982.

земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII—XIV веках»¹.

Ялта и Потсдам уравнивали всего лишь давление Запада, сделав на 50 лет сферой влияния СССР всю территорию Восточной Европы, и, как отмечал А. Тойнби, «Запад впервые за тысячу лет ощутил на себе давление России, которое она испытывала все века от Запада»².

И в этот период не только Венгрия — союзник Гитлера, но и Польша, Чехословакия, спасенные русскими от истребления фашизмом или от уготованной им участи слуг для хозяев предполагаемого рейха, оказались куда менее надежными членами советского блока, чем даже побежденные и разделенные немцы. ЦРУ в своих оценках потенциальной лояльности СССР в годы холодной войны, ставило на антирусские настроения в основном в Польше и Венгрии, несколько меньше в Чехии³. Если немцев Горбачев буквально вытолкнул к их западным собратьям, то поляки, венгры и чехи не желали мириться со своим положением сателлитов СССР и бунтовали против европейского порядка, санкционированного не только Сталиным, но и Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, забыв о Судетах и линии Одер—Нейссе — даре Советского Союза, оплаченном кровью русской армии.

¹ Тойнби А.Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 157.

² Toynbee A.J. The World and the West: Russia // The Listener. 1952. 20 November.

³ CIA Cold War Records. Selected Estimates on the Soviet Union. 1950—1959. History Staff. Center for the Study of Intelligence. Central Intelligence Agency. Wash., D.C., 1993. P. 139, 228.

Эти страны, включая славянские Чехию и Польшу, недвусмысленно одобрили бомбардировки НАТО сербских позиций в Крайне и Боснии и безоговорочно вступили в Североатлантический альянс в тот самый момент, когда НАТО в нарушение всех правовых норм готовило удары против Югославии, против сербов, которые никогда в истории не выступали против них, против Белграда, который в свое время осудил ввод советских войск в Чехословакию.

Но более угодные либералу Гавелу демократы — судетские немцы уже начали сравнивать себя с косоварами. Повторение из века в век геополитической закономерности антирусской политики восточноевропейских католиков, независимой Польши, побуждает относиться к этому серьезно.

Заметим, что все русофобские штампы о России как о тюрьме народов заимствованы у Маркса и Энгельса. Наибольшему поношению в советском периоде подвергают спасительные для нации отступления от ортодоксального марксизма и восстановление критического минимума традиционных понятий о государстве.

Пора напомнить, что вся территория России — и Крым, и устье Дуная, и Закавказье, и Прибалтика — были собраны до революции. Потемкин стал Таврическим, Суворов — Рымникским, Румянцев — Задунайским не при Сталине, а при Екатерине Великой.

До революции территорию России никто не оспаривал. Она считалась абсолютно бесспорной и легитимной, выросшей в полном соответствии с юридическими нормами своих эпох. Именно революция сделала эту территорию оспариваемой, и можно с уверенностью утверждать, что, не будь

ленинского Брестского мира, не было бы сегодня НАТО в Прибалтике.

Итак, именно советское великодержавие и восстановление территории исторической России нужно обеспечить и окрасить в черные тона. Но как? Увязав с репрессиями.

Но, заметим, не только в первое десятилетие после революции, но и в пресловутый сталинский 1937 год СССР не был великой державой, он едва справлялся с давлением окружающего мира. Следовательно, советское великодержавие оплачено вообще не революционно-коммунистическим проектом как таковым, не репрессиями как ленинского, так и сталинского периода, хотя нельзя их отрицать — они осуждены нами самими сполна.

Великодержавие в образе СССР воссоздано **жертвенной борьбой против гитлеровской агрессии и духом мая 1945-го, Ялтинско-Потсдамской системой. А войну СССР выиграл не как носитель коммунистической идеи, а в своей ипостаси Великой России.**

ЦЕЛИЛИ-ТО ВОВСЕ НЕ В КОММУНИЗМ

Периодические попытки Запада и либералов развенчать память о войне свидетельствуют о том, что эта память есть важнейший опорный пункт преемственного национального сознания, мешающего растворению России.

В последние годы эти потуги становятся более изощренными, но не менее последовательными и упорными. Прямые атаки не увенчались успехом даже в период тотального нигилизма конца 80-х — начала 90-х годов. Тогда нация с увлечением раздавала поруганные отеческие гробы своей тысячелетней истории под флагом прощания с тоталитаризмом. Потом стали говорить, что «целили в коммунизм, а попали в Россию». Нет, целили именно в Россию, используя как предлог и инструмент надоевший всем коммунизм.

Чувство самосохранения все же возобладало и интуитивно отвергло поругание Победы. Однако ядовитые комментарии, упорные рассказы о «заградотрядах», якобы стрелявших повсеместно в спину бойцам, которые без этого обязательно сдались бы в плен, до сих пор появляются. И не только к 22 июня и 9 мая, но и сопровождают каждые юбилеи великих битв — Сталинградской, Курской.

На самом деле за всеми этими коварными приемами скрывается одна цель — развенчать положительный образ Отечества как великой державы. Воинствующим постсоветским либералам-западникам ненавистна любая форма отечественного великодержавия, будь то исторического российского, будь то советского. Они стремятся обесценить это великодержавие, увязав его с репрессивным началом коммунистического правления. Однако их борьба с коммунизмом — мнима, они, заметим, никогда не обрушиваются на сам марксизм, шают Ленина в благодарность за сокрушение православной империи. Они в основном обрушиваются на «державный», а не на революционный период советской истории, хотя именно в 20-х годах режим проявлял в самой свирепой форме свою антиправославную и антирусскую сущность.

Более того, все поношения «великодержавных амбиций» постсоветскими либералами и западной публицистикой заимствованы из вульгарно-марксистской «классовой» исторической школы М. Покровского, создававшего «красную профессию» и переписывавшего в первое десятилетие после революции русскую историю в ненавистническом духе классового социологизма. Сейчас уже не знают, что в советских учебниках истории первого десятилетия Наполеона называли освободителем, так как «помещичья и царистская Россия была более отсталой, чем передовая революционная Франция». Святого благоверного Александра Невского называли классовым врагом, Чайковского — «хлюпиком», Чехова — «нытиком», Пушкина — «камер-юнкером», а Льва Толстого — «помещиком, юродствующим во Христе». А значит, причи-

на — не в репрессиях как таковых, ибо репрессии в ленинский период были не менее страшными и куда более целенаправленными — на уничтожение религиозно-национальной ипостаси России и носителей национального и православного сознания. Причина — в великодержавии советского периода.

НЕ ПАРАДОКС, НО ПРОМЫСЕЛ

Советское великодержавие было оплачено вовсе не революцией, не репрессиями. Ни в 20-х, ни в пресловутый 1937 год Советский Союз не был великой державой, наоборот, его теснили в 20-х годах по всем направлениям. Великой державой наша страна стала после жертвенной борьбы народа против фашистской агрессии. Без осознания смысла Великой русской Победы — этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке — невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. **Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России.**

На советских людей еще первого поколения, не забывших традиционных ценностей Отечества, семьи, национального чувства, обрушились вражеские войска, одержимые не мировой революцией и счастьем всего человечества, а идеей мирового господства.

Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной Гражданской войны и воссоединила в душах людей, а значит, потенциально и в государственном будущем ра-

зорванную, казалось, навеки нить русской и советской истории.

Отозвавшись на «Братья и сестры!» и на церковное благословение «православных на защиту священных рубежей нашего Отечества», в окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне.

И те, кого в 20-х годах учили по первым большевистским учебникам глумливо называть святого благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали «за советскую Родину» в танке, носящем его имя. Это не парадокс, это Промысел. Страна возопила о помощи к своей попоранной истории, и та простила на первый раз и вдохнула дух национального единства и жертвенности за Отечество. Простит ли она еще одно самопредательство?

ЧТО ТАКОЕ ЯЛТА И ПОТСДАМ

Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама было фактическое преемство СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это и определило неизбежность «холодного» противодействия именно этим результатам Победы, восстановившим на месте Великой России новую силу, способную, пусть в иных формах и проявлениях, также сдерживать устремления Запада. Можно сказать, именно это вызвало Фултонскую речь У. Черчилля — последнего и ярчайшего представителя классической британской внешнеполитической идеологии. В политике США отчетливо стала проявляться их цель с 1917 года — непризнание любых форм восстановления преемственности российской истории.

Вся послевоенная история и, что особенно доказательно, перестройка показала, что именно эти итоги были неприемлемы для Запада, а не страх перед идеей коммунизма или броском советских танков в Западную Европу. Политика англосаксонских союзников в непосредственно послевоенные два года представляет собой достойное продолжение стратегии Б. Дизраэли на Берлинском конгрессе после Русско-ту-

рецкой войны 1877—1878 годов с целью свести к минимуму потенциал русской победы.

Особенно тяжело было смириться с восстановлением обретений Петра Великого, не дававших старушке Европе покоя в течение двухсот лет. К ним добавилась в результате Победы Калининградская область. Конгресс США периодически делал заявления в косвенной форме в отношении Прибалтики. США сделали все, чтобы никогда не реализовались мечты Сталина вернуть Карс, Ардаган, которые по Берлинскому трактату 1878 года отошли к России, но были незаконно оккупированы Турцией в 1918 году. Именно большевики сдали эти территории взамен согласия Кемаля Ататюрка на советизацию Закавказья по сценарию пантюркистов. (Поэтому Ленина там уважают.) Об этих территориях, незаконно отторгнутых в ходе революции, был правомерно поставлен вопрос советской делегацией на Ялтинской и Потсдамской конференциях¹. (Вот за что Сталина **там** ненавидят, это **здесь, у нас**, его отвергают за репрессии, и это надо понять.) И если в документах середины войны такая позиция в британском Форин-офис еще рассматривалась как правомерная, «ибо не требовала ничего более того, что ранее принадлежало России», натолкнулась на самое жесткое противодействие уже и Англии, и США.

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР гораздо меньше, чем принято думать, став к тому

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). Сборник документов. М., 1945. С. 159.

же тяжелой обузой, необходимостью сдерживать своих нелюбимых «братьев», вроде поляков и венгров, которые куда более, чем немцы, мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом в этой войне было бы восстановление кроме Прибалтики совокупности тех территорий и позиций исторической России, которые сделали ее державой, «без которой ни одна пушка в Европе не стреляла» — это положения Берлинского трактата: Карс, Ардаган и беспрепятственный и гарантированный проход по Черноморским проливам. Это были до революции территории России, которые никем не оспаривались. Но именно против этого скалой встали англосаксонские союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Конгресс США последовательно не признавал Прибалтику как часть СССР вплоть до 1990-х годов и вдохновил концепцию «восстановления довоенных государств» вместо отделения от СССР.

Еще скрытая от мира холодная война началась почти сразу на созданных форумах по послевоенному урегулированию. В ходе переговоров и бесед Молотова, государственного секретаря США Бирнса и министра иностранных дел Великобритании Бевина на первой сессии Совета министров иностранных дел в сентябре — октябре 1945 года начались позиционные дипломатические бои. Молотов бросил упрек: «Пока шла война... миллионы людей гибли на фронте, у Советского и Британского правительств были споры, но они сговаривались. Советский Союз был нужен. Как только война окончилась, против Советского Союза принимаются всякие меры»¹.

¹ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. Док. 18а. П. 1. Л. 27—28.

Материалы заседаний и особенно записи бесед глав внешнеполитических ведомств показывают очевидную линию США и Британии: признать в качестве максимума для СССР включение лишь Восточной Европы в его военно-стратегический и геополитический ареал (чему нельзя уже было воспрепятствовать) и категорически не пустить СССР на Балканы. Граница «зоны безопасности» СССР от Балтики на юг ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря, то есть не опускаться на юг по Берлинскому меридиану. Ее надо было завернуть на восток, чтобы полностью отделить Черное море от Южной Европы и оставить все Средиземноморье под контролем будущего НАТО.

В итоге Запад вполне реализовал описанные цели: во-первых, были отбиты все попытки СССР хотя бы мизинцем ухватиться за какой-либо опорный пункт в Средиземном море — южной стратегической границе геополитического ареала будущего НАТО. Во-вторых, с помощью ставки на Турцию были категорически пресечены и упреждены на будущее попытки вернуть Карс и Ардаган, для чего южные рубежи СССР были потом окружены военными базами.

Таким образом, вопреки клише, утвердившемуся в западной и современной российской либерально-западнической публицистике, союзники России, как и в Первой мировой войне, не отводили к ее «зоне безопасности» *ничего к юго-западу от тех рубежей, на которых она и так к началу XX века была главной региональной державой*. Вакуум на юге — в регионе проливов, создаваемый в конце Первой мировой войны разгромом Австро-германского блока и распадом Османской империи, а в 1945 году — раз-

громом фашистской Германии, должен был быть заполнен и структурирован в новую конфигурацию — НАТО.

Эти особенности послевоенных дипломатических баталий становятся особенно интересными, так как обозначившееся в 90-х годах XX столетия направление расширения НАТО, оккупация Косова — ключа к Вардаро-Моравской долине, соединяющей Западную Европу с регионом проливов, на этом фоне выглядит отложенной реализацией неосуществившихся в конце прошлой войны и на сессиях СМВД планов. Проекты же эти проявляют знакомые с XIX века черты извечных военно-стратегических симметрий и геополитических закономерностей, заслоненных борьбой «тоталитаризма и демократии», прежде всего *Восточный вопрос*. Отсюда понятны аплодисменты на Западе «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» на Украине. Вытеснение России с Черного моря и с Балтики — вот возжеленная цель Запада в течение всех послевоенных десятилетий.

ЧТО ЖЕ НУЖНО ИЗМЕНИТЬ, А ЧТО ОСТАВИТЬ ИЗ ЯЛТИНСКОЙ СИСТЕМЫ?

Итак, именно Ялтинско-Потсдамская система, именно этот итог Второй мировой войны, невозможный без Великой Отечественной войны СССР, и призваны развенчать книга «История Латвии» и все дерзкие укусы Прибалтийских стран и Польши. Больше, чем эти страны имеют сейчас, они уже не приобретут, так что «передовой отряд» явно выполняет чужой проект — задачу легализовать пересмотр истории уже не в СМИ, а на официальном государственном уровне.

Впрочем, пересматриваются и развенчиваются отнюдь не все итоги Второй мировой войны, а только те, что были в пользу СССР. Подвергаются сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но не измененная итало-французская граница или передача Додеканезских островов Греции, не состоявшаяся бы без согласия Сталина, за которую греки до сих пор благодарны Советскому Союзу, ибо во время этого решения в Греции с помощью Британии были приведены к власти антикоммунистические силы и греческие коммунисты были брошены в тюрьмы. (Стало быть, не за торжество коммунистической идеи воевал СССР!) Восстановление территорий, утраченных в ходе

революции и интервенции, объявляется агрессией и оккупацией, а приращения к некоторым государствам территорий, вообще никогда не бывших в их составе, не вызывает никаких сомнений.

Как не вспомнить Данилевского, который сравнивал сорокалетний стон по поводу так называемого «раздела» Польши с тем спокойствием, с которым Европа отнеслась к захвату Германией Шлезвига и Гольштейна. «Будет ли Шлезвиг и Гольштейн датским или германским, он все-таки останется европейским; произойдет маленькое наклонение в политических весах; стоит ли о том толковать много? Державность Европы от этого не потерпит; общественному мнению надо быть снисходительным между своими... Но как позволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации»¹.

Никому на Западе не кажется абсурдным, что Ялтинскую систему осуждает Варшава, получившая в дар от Красной армии Силезию — почти треть своей территории. Литва же и вовсе своей столицей обязана «преступному» секретному протоколу к пакту Молотова—Риббентропа, в котором говорилось, что «интересы Литвы в Виленской области признаются обеими сторонами». Архивы свидетельствуют не о стыде литовцев, а о ликовании. Получив Вильно через два месяца после «позорного протокола» в октябре 1939 года,

Литва праздновала, о чем сообщали дипломаты: «С утра весь город украсился государственными флагами... Люди целовались, поздравляли друг друга»¹. Посол США Норман Томас сообщал о «праздничном колокольном звоне» и о «воодушевлении, с которым встречено сообщение о возвращении Вильно» и о праздничных манифестациях².

Территория Литвы сегодня — единственный оставшийся реликт пакта Молотова—Риббентропа. Это и объясняет парадокс, что в книге «История Латвии» вдоволь говорится об «оккупации», но пакт Молотова — Риббентропа упоминается лишь вскользь. Отчего же такая непоследовательность? Оттого что Латвия сегодня тщится возглавить единый фронт Прибалтийских стран. Литва же, вторя Риге в отрицании Победы и объявлении СССР оккупантом, не может осуждать пакт Молотова—Риббентропа. Иначе надо расстаться с собственной столицей и всем Виленским краем!

Хочется напомнить Варшаве, что за все ее будущие позоры против России и сочувствие уголовному мятежнику Масхадову с его головорезами именно СССР-Россия против воли союзников подарила ей Силезию.

От этой мысли приходил в истерику даже классик интернационализма Ф. Энгельс в своих рассуждениях о будущем «послереволюционной» Европы, в которой славянам места не отводилось. Гневную отповедь классика вызвал призыв Михаила Бакунина к единению славянства и освобождению от иноземного ига. Но русский одновременно говорил

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 12. Д. 126. Л. 60.

² Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933—1939. Wash., GPO, 1952. P. 965.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 41.

о «протянутой братской руке немецкому народу... во имя свободы, равенства, братства всех наций». Что же классик интернационализма? Равенство и братство — не для всех, и Энгельс отрезал, что «речь идет не о братском союзе всех европейских народов, а о союзе революционных народов против контрреволюционных».

Энгельс полагал славян народами, которые «нежизненны и никогда не смогут обрести какую-нибудь самостоятельность». Они якобы «никогда не имели своей собственной истории... и лишь с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации». В тевтонском задоре Энгельс утрачивал последние проблески интернационализма. Славяне не просто ничтожный мусор истории — они «всюду были угнетателями всех революционных наций, немцы и венгры являются не только символом прогресса и революции, но также просветителями и носителями цивилизации для славян». В молниях против Бакунина Энгельс уже полностью обнажил, что предмет заботы его пролетарского интернационализма — немецкий Grossraum.

«Поистине положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых “прав”! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемско-моравское государство (будущая Чехословакия); Австрия и Штирия были бы отрезаны “южнославянской республикой” от своего *естественного* (!!!) (курсив. — Н.Н.) выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана,

как обрезанный крысами хлеб! И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность... земледелие и культуру!» Именно в этом ключе Энгельс и заключает: «Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах... славян не играет никакой роли»¹.

Казалось, исключение классики делали для поляков — «единственной славянской нации, чуждой всяким панславистским вожделениям». Отказывая реакционным православному славянам в праве бороться против «прогрессивных Габсбургов», марксисты, казалось, безусловно поддерживали поляков и их ненависть к «реакционной» России. «Слово поляк и революционер, — пишет Энгельс, — стали синонимами, полякам обеспечены симпатии всей Европы и восстановление их национальности, в то время как чехам, хорватам (тогда так называли сербов. — Н.Н.) и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них», что вызывает аналогии с отношением к сербам «демократического» мирового сообщества в 1999 году.

Но, похоже, даже полякам была неизвестна подлинная цена польского вопроса для Западной Европы. Кумир А. Мицкевича — Наполеон Бонапарт, «не любивший Польши, а любивший поляков, проливавших за него кровь» (Герцен), считал Польшу разменной картой против России.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М., 1957. С. 289—306.

Мысль о возвращении германизированных славянских земель была Ф. Энгельсу невыносима: «Неужели нужно было уступить целые области, населенные преимущественно немцами, и большие города, целиком немецкие, — уступить народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма?» Энгельс имел в виду Данциг и Бреслау. Задачей Энгельса, как и сегодняшнего Запада, было направить поляков против России, на восток, чтобы обеспечить решение проблемы западных польских границ в пользу Германии: «Тогда вопрос о размежевании между охваченными войною нациями стал бы второстепенным по сравнению с главным вопросом — об установлении надежной границы против общего врага (России, конечно. — *Н.Н.*). Поляки, получив обширные территории на востоке, сделались бы сговорчивее... на западе». Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: «Взять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты»¹.

Данциг стал Гданьском, а Бреслау, в котором еще в XVIII веке великий немецкий просветитель Г.Э. Лессинг писал свои «Breslauer Enterprise», стал Вроцлавом благодаря СССР и Красной армии. США же предпочитали не отнимать Силезию у Германии, владевшей ею 400 лет до Гитлера. В августе 1946 года государственный секретарь Дж. Бирнс обнародовал доктрину США в Европе со ставкой на Германию и заявил, что якобы линия Одер—Нейссе не являлась частью решений союзников, так как «передача Россией Силезии и других восточных районов Германии Польше со-

стоялась до Потсдамской встречи». Это подстегнуло на 25 лет надежды у так называемых «реваншистов» Германии, не желавших платить за необузданные амбиции Гитлера утратой многовекового достояния.

Какие же слезные ноты тут же обрушили на советское руководство министр иностранных дел Польши Ржимовский и президент Чехословакии Ян Масарик, заклиная продолжить миссию «освободителя» и защитить территории, «не окончательно определенные Потсдамской встречей»! Поляк говорил, что «Польша в течение веков была объектом германской агрессии и экспансии на восток, которая привела на протяжении веков к присоединению и германизации обширных польских территорий». Чех не менее патетично зывал к советскому руководству и говорил о «столетней борьбе Богемии против германской агрессии»¹. Теперь же главная трагедия — пребывание в орбите СССР. Посмотрим, удастся ли удержать чехам Судеты в объединенной Европе...

Главные беды латышей в книге «История Латвии» также, разумеется, начались после оккупации ее Советским Союзом, против которого «всенародно» боролись и только из-за этого вступали в Ваффен-СС. При этом количество жертв от «Советов» куда превосходило страдания от гитлеровцев. Те вместе с латышами лишь устраивали «исправительно-трудовые» лагеря вроде Саласпилса, где, правда, гибли евреи.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1965. Т. 37. С. 317.

¹ АВП РФ. Ф. 0431 (II). Оп. 2. Д. 48. П. 11. Л. 80, 83.

КАК НАЧАЛСЯ ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ

Установка отождествлять гитлеровский фашизм и советский коммунизм возникла вовсе не в период холодной войны. Хотя тогда острота взаимоотношений с недавними союзниками была сильнее, чем сейчас, когда мы с «легкой руки» Горбачева «вместе» — в объятиях Запада.

Эту идею не приняли бы на Западе в 50-х годах те, кто обнимался на Эльбе, и сопровождал северные конвои. В домах миллионов на Западе еще хранились британские газеты военного времени, исполненные восхищения перед жертвенной борьбой защитников Сталинграда, а английский писатель Толкиен, задумавший свои знаменитые сказки, еще воюя против немцев в Первую мировую войну, вывел под черным царством Мордор, лежащим на Востоке, вовсе не СССР, как убеждены несведущие в истории постсоветские западники, а гитлеровскую Германию.

«Спор об истории» был открыт крупным германским историком Э. Нольте, учеником М. Хайдеггера, когда идеологическая борьба «тоталитаризма и демократии» настоятельно требовала пересмотра всех прежних суждений о мировой политике. Так, Россию стали обвинять даже и в развязывании Первой мировой войны. Западная историография ничтоже сумняшеся приняла трактовку марксиста М. По-

кровского, с подачи которого Первая мировая война до сих пор называется империалистической, хотя ей больше подошло бы название Второй Отечественной — как-никак России угрожало отторжение Прибалтики, Украины и лишение выхода в Средиземное море. Большевикам-то нужно было оправдать лозунг «поражения собственного правительства в войне». Но комиссия по установлению ответственности за Первую мировую войну в Версале в 1919 году однозначно постановила, что вина лежит на Германии и Австро-Венгрии, с ней **согласился и Американский конгресс.**

Борьба с «империей зла» требовала новых идеологем, и книги Э. Нольте пришлось как нельзя кстати. В них виртуозно решалась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него. Э. Нольте интерпретировал Вторую мировую войну не как продолжение извечных стремлений к территориальному и геополитическому господству, а как начавшуюся Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну» между двумя «идеологиями раскола»¹.

Европа же, по Нольте, впала в грех фашизма исключительно для защиты либеральной системы от коммунизма и лишь потом скопировала тоталитарные структуры у своего соперника. В такой схеме мишенью возмущенного сознания становится советский тоталитаризм сталинского периода и пресловутый пакт Молотова — Риббентропа, которые якобы и стали причиной Второй мировой войны.

¹ *Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Propiläen, 1997.*

ОТТЕНКИ ФАШИЗАЦИИ ЕВРОПЫ

Западная и постсоветская литература постепенно наполнилась прямыми и косвенными обвинениями в адрес СССР, якобы ответственного за становление германского фашизма, формулируемыми в русле двух основных концепций. По одной из них, СССР и Германия будто бы уже с Рапалльского договора, заключенного Советской Россией и Веймарской республикой на Генуэзской конференции 1921 года с целью избежать изоляции, планировали завоевание мира, повели дело к войне и к пакту Молотова — Риббентропа.

Здесь очевидна натяжка исторических фактов, ибо Рапалльский договор был заключен Советской Россией с демократической Веймарской республикой, в которой никто и нигде даже не предвидел появления Гитлера и национал-социализма. В. Ратенау не только не вынашивал планов долгосрочного партнерства с СССР, но порывался отклонить советское предложение. Далее «рапалльская линия» в политике Германии практически истощается именно с приходом Гитлера к власти, и договор 1939 года, как к нему ни относиться, явился итогом совершенно иных обстоятельств.

Концепция Э. Нольте к тому же весьма хитроумно затушевывает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом.

Однако фашизм итальянского типа или хотя бы его элементы возникли одновременно почти во всех культурно-самобытных частях Европы после удручающих итогов Первой мировой войны и революций в Европе. Не случайно он появился в католических Франции, Испании, Португалии, Италии; в Европе англосаксонской и германской — Англии, Австрии, Германии; в Бельгии, Нидерландах, Дании, Скандинавии; наконец, в Европе православной и славянской — Греции, Болгарии, России, Югославии и даже в полумусульманской Албании.

По мнению Э. Нольте, энергия, вызванная из глубин общества, из самых традиционных крестьянских слоев, была направлена на «спасение либерального государства», что уже сомнительно. Наоборот, глубинка бунтовала против либеральной атомизации общества. Католическая церковь вряд ли приветствовала «либеральную систему», в которой от влияния религии освобождались все общественные институты и образование, а антиклерикальные силы заполнили властные структуры и прессу. Однако «сумрачный германский гений» и западноевропейский «прометеевский» дух подавления и насилия оказались почему-то неспособны на христианскую антитезу как идеологии пролетарского интернационализма, так и либеральной атомизации.

В результате «порыв» проявил все признаки вырождения — отношение к Церкви и к власти как служебному инструменту (Франко и Муссолини), насилие, экстремизм, шовинизм, экспансия.

КЛИШЕ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО» АГИТПРОПА

Концепция Э. Нольте сумела затушевать различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом Гитлера, ранее всегда признаваемого наукой о политических учениях. Сегодня общественная наука на Западе перестала оперировать научными философскими категориями, а поступила на службу идеологии. Теперь главный критерий — отсутствие «американской демократии». (Если бы наука биология заявила, что медведь коала и гусеница — существа одного биологического класса, поскольку едят листья бамбука, ученых бы подняли на смех.) Скоро фашистскими объявят все цивилизации мира и государства до XX века — монархии, общества религиозные. Если исчезает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом, то главный грех их обоих сводится к отсутствию «американской демократии». Однако нежелание какого-либо народа установить у себя демократию есть его право и само по себе не несет вызова или угрозы миру, если только не сопровождается насильственным навязыванием этого выбора.

Что же было вызовом и угрозой миру со стороны гитлеровского рейха, который развязал войну со всей Европой?

Попытка преодоления результатов Первой мировой войны и Версальской системы, в которой англосаксы примерно на-

казали немцев по принципу «Горе побежденным!», была бы естественным явлением мировой политики после каждой неудачной для какого-либо государства войны. Если бы окрепшая Германия ограничилась локальными конфликтами и тяжбами за сопредельные территории, то такой ход событий мало чем отличался бы от прошлых периодических войн за оспариваемые земли и вряд ли привел бы к Нюрнбергскому трибуналу.

Но Гитлер провозгласил претензии на территории и страны, никогда не бывшие в орбите германцев, как на западе, так и на востоке Европы. Такой проект нуждался в оправдании. Его родила **языческая нацистская доктрина природной неравномерности людей и наций**, отсутствующая у фашизма итальянского и у коммунизма.

Вместе это и стало **грандиозным всеобщим вызовом — как суверенности народов, международному праву, так и фундаментальному понятию монотеистической цивилизации об этическом равенстве людей и наций, на которых распространяется одна мораль и которые не могут быть средством для других**. Именно универсальность вызова определила масштабы целей. Отрицание права других народов на историю позволяло истреблять второсортных и их культуру, жечь города и села. Ни в одной войне прошлого не было такой гибели гражданского населения на оккупированных территориях.

С легкой руки Э. Нольте коммунизм, всегда и везде считавшийся главной антитезой фашизму, стали называть его прототипом. Но объединять советский коммунизм с гитлеризмом — не только безнравственно, но и абсолютно антинаучно. Такой подход продиктован политической задачей

дать интерпретацию Второй мировой войны как войны не за геополитические пространства, не за историческую жизнь народов, а как войны за «американскую демократию».

Американский автор У. Лакер в книге под характерным для всей концепции названием «Россия и Германия. Наставники Гитлера» пытается доказать родство двух режимов — гитлеровского и советского, поэтому ему необходимо свести главный ужас немецкого «фашизма» к «тоталитаризму», поэтому он даже не акцентирует внимание на расовой теории и последовавших чудовищных идейных обоснованиях репрессий против евреев, насильственного перемещения рабской рабочей силы «костарбайтеров», занятие Черноземья СССР и Украины колонистами и программы сокращения второсортных русских, белорусов и украинцев на 40 миллионов. Иному автору никогда бы не простили такого «занижения» удельного веса Холокоста в преступлениях гитлеризма, но тут цель оправдывает средства, и все прощается. Целенаправленное идеологическое программирование сделало свое дело: сегодня принято объединять коммунизм с нацизмом, а гитлеровский нацизм с фашизмом итальянского типа.

Цель ясна: доказать, что главное зло XX века и вообще мировой истории — это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого был СССР сталинского периода, и выделить все, что может сойти за его подобие в гитлеровском рейхе.

Абсолютно антинаучная трактовка тождества нацизма и большевизма стала клише западного обществоведения, которым уже оперируют образованнейшие и именитые авторы. Директор французского Института международных отношений Тьерри де Монбриаль даже «удивляется»

«противоестественности» Антигитлеровской коалиции — «странного альянса», соединения двух демократий и империи, носившей такой же тоталитарный характер, как и режим, который предстояло сокрушить»¹. Но французам Сопротивления и летчикам «Нормандии—Неман», проливавшим кровь вместе с русскими не за идеологию, а за свою любимую «прекрасную Францию», такой союз не казался противоестественным. «Нацистская Германия воплощает совершеннейший большевизм», — обронил и крупнейший современный французский историк Ф. Фюре.

Что уж говорить о ведущем американском историке-русисте Р. Пайпсе, который преподает свою китч-версию русской истории в Гарварде — кузнице американской политической элиты. Этот автор в наиболее плакатной форме выражает свой нигилизм в отношении России — как старой, так и советской. Он также называет русский большевизм «провозвестником» «теории элит», «тоталитаризма» и фашистских государств. Неприличный для «свободного» западного ученого социальный заказ проявляется в абсурдном добавлении, «что большевистская партия поддерживала свое “великорусское лицо” на протяжении всей истории своего существования»². Невеликорусское лицо первых большевиков и их тотальное отвержение русской истории давно уже стало притчей во языцех.

Именно эти книги переведены на русский язык постсоветскими либералами-западниками в постперестроечные времена.

¹ Тьерри де Монбриаль. Память настоящего времени. М., 1997. С. 54.

² Пайпс Ричард. Три «почему» русской революции. М., 1996. С. 30—40.

ПРАВО НА ИСТОРИЮ

Но тезис о родстве нацизма с «российским» коммунизмом не выдерживает анализа.

Коммунистический замысел обескровливал собственную страну ради идеи облагодетельствовать все человечество, на алтарь которого принесено все национальное. Первые пламенные большевики не скрывали, что Россия для них — вязанка хвороста для пожара мировой революции. Через призму религиозно-философских основ истории это учение, взятое в идеальных критериях, есть порождение так называемой «философии прогресса», которая в свою очередь родилась в христианском мире на пути отступления от христианства. Она выводится из ереси хилиазма — ложного учения о возможности тысячелетнего царства Божия на земле с праведниками и идеи утвердить в земной жизни равенство, даже насильно.

Германский нацизм, оттолкнувшись от преодоления Версальской системы, провозгласил право обескровливать другие нации для того, чтобы облагодетельствовать свою. Целые аспекты нацистской доктрины основаны не только на идее неисторичности народов, свойственной классической немецкой философии и Энгельсу, но и на расовом превосходстве, на утверждении природного и этического не-

равенства людей. По сути, они были возвратом к язычеству, к философии «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Это деление народов на «тварей бессловесных» и «тех, кто право имеет».

По философии германский нацизм отличен как от коммунизма, так и от фашизма итальянского типа, явившего лишь уродливый вариант «буржуазного» государства Нового времени, «гиперэтатизм». Неразличение Э. Нольте фашизма и национал-социализма приводит его к косвенному оправданию гитлеровских завоеваний, раз Вторая мировая война — это «всеевропейская война» идеологий, начатая в 1917 году именно большевизмом. Так обесцениваются жертвы нашего народа, понесенные за право на историю.

Так, война против Гитлера США и Британии уже, оказывается, велась не за то, чтобы французы и датчане оставались французами и датчанами, не за то, чтобы латыши и поляки не превратились в свинопасов и горничных у арийцев, а за «универсальное торжество либеральной американской демократии». И эта война продолжилась в Европе уже в виде холодной войны, пока второй тоталитарный монстр — СССР не самоустранился, чтобы «западная демократия», уже его не пугаясь, могла осчастливливать народы наискорейшим образом — с бомбардировщиков. Однако документы об истинных целях политики, рассекреченные недавно, опровергают новые схемы еще ярче, чем советские штампы.

Примечательны секретные переговоры сэра Джона Саймона — министра иностранных дел Великобритании с Гитлером в Берлине в марте 1935 года, запись которых стала достоянием советской разведки и была опубликована в

1997 году. Гитлер отвергает любое сотрудничество с большевистским режимом, называя его «сосудом с бациллами чумы». Налицо разрыв с рапальской линией и отсутствие всякой преемственности с ней у будущего Советско-германского пакта 1939 года. Саймон же приехал, чтобы санкционировать аншлюс Австрии. Когда Риббентроп поинтересовался британскими взглядами на австрийский вопрос, Саймон прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может беспокоиться об Австрии так же, как, например, о Бельгии, то есть о стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия» «и по всем другим вопросам, в которых то заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии» — Британия на международной конференции воспрепятствовала применению санкций к Германии за нарушения военных положений Версальского договора.

ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА

Теперь обратимся к пресловутому пакту Молотова — Риббентропа, отношение к которому не может быть понято без знания англосаксонской стратегии XX века в Европе. Одной из ее целей было не допустить усиления Германии и России. При этом стратегия исходила из тезиса, что определяющее влияние на континенте придает Германии или России только Восточная Европа. Все зигзаги мировой политики оцениваются с этой точки зрения.

Для осуществления этой цели после Первой мировой войны Британия и президент США В. Вильсон поставили цель: создать на основе принципа «демократии и самоопределения» между Германией и Россией ярус мелких несамостоятельных государств от Балтики до Черного моря так, чтобы они не входили ни в германскую, ни в российскую орбиту.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую доктрину «буфера между славянами и тевтонами». Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на восток. На деле в этом не было противоречия. Его создает лишь ложный тезис из учебников, что Британия, соглашаясь на аншлюс Австрии

и захват Чехословакии, полагала умиротворить Гитлера, но, мол, просчиталась.

Напротив, самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии. Это было соединение немецкого потенциала в одном государстве — кошмар для Британии со времен Бисмарка, однако гитлеровские акты были признаны «демократическим сообществом», и потом их было бы трудно опротестовать.

Против такой ревизии Версальской системы тоже трудно было бы потом возражать, поскольку Чехословакия и послеверсальская Австрия не были завоеваниями 1914—1918 годов. До Первой мировой войны они были много веков территориями Германии и Австро-Венгрии и никогда никем как таковые не оспаривались. Необузданность амбиций Германии в двух мировых войнах заставляла их расплачиваться потом утратой не только вновь завоеванного, но и прежнего достояния, которое ранее не оспаривалось.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но подтолкнуть его к дальнейшей экспансии, и в принципе англосаксонский расчет на необузданность амбиций и дурман нацистской идеологии был точным. Но Британии нужно было направить агрессию только на восток, что дало бы повод вмешаться и войти в Восточную Европу для ее защиты и довершить геополитические проекты, то есть изъять Восточную Европу из-под контроля как Германии, так и СССР. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера — претензии на Украину.

В этом вопросе была активна Польша, предлагавшая Гитлеру свои услуги. Уже в январе 1939 года польский министр иностранных дел Бек заявил после переговоров с Берлином о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза». Затем советская разведка сообщила и о переговорах Риббентропа, в ходе которых Польша выразила готовность присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю.

Польша не была невинной жертвой. Ее судьба была драматично predetermined и ее расположением, и, не в последней степени, ее извечной неприязнью к России. Об этом советские учебники всегда умалчивали, ибо пропагандировали вечную и нерушимую дружбу народов социалистического лагеря, якобы навсегда освобожденную от груза имперского и капиталистического прошлого. Главные польские устремления были направлены, как многие века назад, к Литве и Украине.

Рассекреченные документы показывают неблагоприятный закулисный торг и судорожные попытки получить свою толику от гитлеровских захватов. «Польша сохраняет отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии», — неизменно отвечал посол Гжибовский наркому Литвинову. Польша отказывалась участвовать в создании какого-либо фронта против Германии вместе с СССР.

Как только Гитлер отнял у Чехословакии Судеты, Польша немедленно заявила претензии на Тешинскую часть исторической Силезии, отошедшую, по Версалию, к Чехословакии после четырех веков в составе Габсбургской империи. Поль-

ские дипломаты с ревностью убеждали германскую сторону сделать ставку на Польшу, и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину».

Однако англосаксонская стратегия не была успешной. Мюнхен и позиция «демократических стран» показали безрезультатность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии. Хрестоматийная история бесконечных проектов коллективной безопасности показывает: ни один проект не давал гарантий Балтийским государствам, отделявшим от Гитлера западную границу СССР. Как только М. Литвинов, который считался англосаксонским лобби в советском истеблишменте, перестал быть наркомом иностранных дел, был заключен пресловутый пакт Молотова — Риббентропа 1939 года. Агрессия против СССР была отложена до разгрома Западной Европы.

Этот договор демонизирован западным мнением и историографией, которые вовсе не обличают западные страны за Мюнхенский сговор и согласие на аншлюс Австрии, которые и были началом гитлеровских захватов и сломом территориального статус-кво. Но в Советско-германском договоре вообще не было ничего отличного от типичных договоров всей истории международных отношений. Гитлеровская Германия была всемирно признанным государством, имевшим интенсивные дипломатические отношения, прежде всего со всеми западными странами. Искони государства заключали договоры с партнерами, чья внутренняя жизнь была антиподом. Христианские государства имели отношения с языческими, где приносились человеческие жертвы. Правительство Турции, где перед Первой мировой войной

сажали на кол, а отрезанные головы христиан выставлялись напоказ, в дипломатическом лексиконе именовалось «Блистательная Порта».

Наконец, кроме кусочка Буковины, СССР лишь возвратил те исторические территории, что были «отхвачены» у России в период хаоса революции и Гражданской войны. Этот термин использует Г. Киссинджер в объемном труде «Дипломатия», когда забывает, что через несколько страниц надо приняться за демонизацию «нацистско-советского пакта».

Э. Нольте называет пакт Гитлера—Сталина европейской прелюдией ко Второй мировой войне. Разбирая текст секретного протокола о разделе сфер влияния, Нольте обрушивается на пункт о Польше, в котором говорилось, что «вопрос о желательности для интересов обоих государств независимого Польского государства и о том, каковыми могли бы быть границы этого государства, может быть выяснен лишь в ходе будущего политического развития ситуации».

Готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины, как и воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции, ничем не отличалась по прагматизму или, если угодно, цинизму от слов Саймона, открывшего Гитлеру, что «Британия не будет беспокоиться об Австрии так же сильно, как если бы это была Бельгия».

А сами Прибалтийские государства, полуфашистские, отказавшиеся от парламентаризма, кстати, осуждаемые в то

время всей остальной Европой? Как свидетельствуют документы, они занимали однозначно прогерманскую позицию, «стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии», и, как сообщал американский посол в Литве, «относились крайне неодобрительно к предложению советского комиссара по иностранным делам, чтобы Великобритания гарантировала границы этих Балтийских государств с Советским Союзом»¹.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ

Нольте называет Советско-германский договор пактом «войны», «раздела», «уничтожения», который якобы не мог иметь аналогов в европейской истории, потому что это были «государства совершенно особого рода». Такое утверждение может вызвать только иронию у историка.

От Вестфальского мира 1648 года до *Дейтона* договоры и многосторонние трактаты не только имперского прошлого, но и демократического настоящего были начертанием одними державами новых границ для других. Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию. Венский конгресс 1815 года нарисовал территорию современной Швейцарии, добавив к ней стратегические горные перевалы, чтобы те не достались более динамичным государствам.

Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе: «Грабят Турцию». Австрия в 1908 году аннексировала Боснию, получив согласие держав. В секретном соглашении 1905 года между Т. Рузвельтом и Кацурой Япония отказывалась от «агрессивных намерений» в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США согласились на оккупацию Японией Кореи.

В Версале в 1919 году победившая Антанта с вильсоновскими «самоопределением и демократией» расчленила

¹ «The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State». Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933— 1939. Wash., GPO, 1952. P. 936.

Австро-Венгрию, предписав, кому и в каких границах можно иметь государственность, а кому нет, кому, как Галиции, перейти от одного хозяина к другому, кому — сербам, хорватам, словенцам — быть вместе. В Потсдаме были определены границы многих государств и судьба бывших колоний. Может, это свойственно только имперскому миру или эпохе тоталитаризма? Отнюдь нет. В годы торжества нового мышления столп американской дипломатии Дж. Кеннан в 1993 году прямо призвал пересмотреть «понятие суверенитета», «начертать новое территориальное статус-кво на Балканах, применить силу и заставить стороны его соблюдать», что и было сделано в Дейтоне в 1995-м.

ПРОВАЛ АНГЛИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ

Договор демонизирован не потому, что якобы способствовал войне. После Мюнхена и аншлюса Австрии она была в любом случае неизбежна, и Гитлер собирался захватить устья Шельды (Бельгия) — стратегический пункт против Британии. **Договор поменял ее расписание, а следовательно, послевоенную конфигурацию**, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, поскольку надо было оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР.

Пакт Молотова—Риббентропа 1939 года является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век, и его всегда будут демонизировать.

Сегодня, однако, ни Мюнхен, ни аншлюс, а именно пакт Гитлера—Сталина называют европейской прелюдией ко Второй мировой войне и обрушиваются на текст секретного протокола о разделе сфер влияния. Г. Киссинджер также повторяет штамп, что «Россия сыграла решающую роль в развязывании обеих войн». Но раздел его книги, посвященный «нацистско-советскому пакту», опровергает его собственный «приговор» и демонстрирует смесь досады и невольного восхищения.

Признавая все же, что Гитлер имел захватнические планы и на Западе, и на Востоке, Киссинджер также призна-

ет «мерой сталинских достижений то, что он, пусть даже временно, поменял местами приоритеты Гитлера». Но это же максимум возможного и не может быть оценено иначе, как выдающийся успех дипломатии. Собственно, Г. Киссинджер именно так и оценивает этот пакт, назвав его «высшим достижением средств, которые могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века».

Наконец, само нападение гитлеровской Германии на СССР снимает все обвинения. Впрочем, борзописцы внушают, что Гитлер всего лишь упредил нападение агрессивного СССР. Да только в дневнике Геббельса задолго уже было написано: «Россия должна быть расчленена. Нельзя потерпеть на Востоке такого колоссального государства». И когда Гитлер 11 августа 1939 года проговорился: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду сначала разбить Запад, а потом, после его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами», он лишь продолжил геополитические планы пангерманистов перед Первой мировой войной.

Канцлер фон Бюлов еще в конце XIX века писал: «В будущей войне с Россией мы должны оттеснить ее от двух морей, сделавших ее великой державой, — от Балтийского и от Понта Евксинского». Даже дряхлый Бисмарк, пришедший в конце жизни к мудрому выводу, что «на Востоке у нас врагов нет», оставил на полях помету: «Столь эксцентричные эскизы не полагается оставлять на бумаге!» Границу Германии по Волге требовали установить в 1914 году берлинские интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идео-

логии гражданской войны», не тоталитаризму, а христианской России.

Напомним и то, что Британия, которая сама санкционировала начало гитлеровских захватов за полтора года до Советско-германского договора, полагала не только восстановление дореволюционной территории — Прибалтики как части исторического государства Российского — абсолютно правомерным. Лорд Галифакс, министр иностранных дел, выступая в палате лордов, так представил Советско-германский договор: «Будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы такие действия, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы, по существу, до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы». 10 октября 1939 года такую же оценку дал У. Черчилль.

ТОЛЬКО ЛИ ЗА СВОБОДУ И ДЕМОКРАТИЮ ВОЕВАЛИ США?

А какие цели были у Соединенных Штатов, которые представляют сейчас не только как главного спасителя, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, но никак не за интересы?

США вообще собирались выждать в надвигавшейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока уже не начнутся геополитические изменения структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Сообщение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 года. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина, и о выводах и позиции Америки говорилось так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и сохранит свой нейтралитет. <...> Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных, стремлений, тогда должны будут вмешаться

европейские государства, и Америка станет на их сторону»¹. Здесь, во-первых, ясно, какой неприятностью оказался пакт Молотова—Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истощили друг друга, а вмешались бы лишь в том случае, если бы Германия побеждала и вся Евразия попала бы под ее полный контроль.

А вот что означала так называемая Атлантическая хартия — декларация Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 14 августа 1941 года об общих целях войны. Она превозносится как полная абстрактными демократическими принципами, акцент делается на отсутствие у этих стран «стремлений к территориальным или другим приобретениям». Хартия близка по духу Программе В. Вильсона и ленинскому Декрету о мире («мир без аннексий и контрибуций»). Но декларированный отказ признать «территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», никогда не анализировался в широком идеологическом, политическом и международно-правовом контексте.

На самом деле именно эта хартия стала первым провозглашением глобалистских критериев и права англосаксонских держав назначать сами критерии. До того как определились итоги войны, хартия провозгласила «право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить». Народы никогда не спрашивали у кого-либо разрешения, следовательно, смысл такого заявления в другом — в провозглашении права США и Британии выносить

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3. 1933—1944 годы. Приложение. М., 1997. С. 468.

суждения о внутренней политике других государств. Это претензия, немыслимая в классических международных отношениях, — судить, являются ли существующие суверенные государства «угнетающими права своих народов» (не чужих, а своих собственных!), и оказывать давление и подвергать сомнению чужой суверенитет.

США и Великобритания объявили и о своем решении содействовать «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». На фоне гитлеровской агрессии против всей Европы это звучало красиво, *но никакой ссылки на гитлеровскую агрессию в документе не было*. Это означало «освободить» не только тех, кто подвергся нападению или захвату гитлеровской Германией, но и других, находившихся в составе суверенных государств в ареале, охваченном войной. Под «нациями» подразумевались не только государства, но и народы, которые не имели своей государственности. Если бы этот пункт был расшифрован требованием вернуться к «положению до войны», это означало бы лишь отмену всех завоеваний гитлеровской Германии, стран оси и сателлитов.

Это было провозглашением права признавать или не признавать довоенные реалии. Фактически это эвфемизм для объявления карты мира «чистой доской» и своего права «начертать судьбу населяющих ее народов», как гласила формулировка полковника Хауза, расшифровывавшая пункт об охваченной революцией России из Программы 14 пунктов. Именно так поняли декларацию в британском парламенте, который встревожился возможным распространением положений Атлантической хартии на судьбу английских колоний. Тут-то Черчиллю пришлось все же уточнить, что

имелись в виду народы под нацистским гнетом. Но Рузвельт подразумевал Прибалтику, югославян, все российские народы, кроме русского, — «жертв империалистической политики коммунистической России», которые будут фигурировать в законе Конгресса США P.L.86—90 «О порабощенных нациях» 1959 года. Рузвельт, похоже, программировал еще дальше — конец столетия.

Но в то время как Рузвельт и Черчилль приглашали СССР к подписанию хартии и военному сотрудничеству, за дверями внешнеполитической кухни Вашингтона и Лондона варился питательный бульон будущего пира победителей по весьма старым рецептам. Сравнение с официальными декларациями и идеологической внешнеполитической пропагандой весьма впечатляет.

Вот попавший в Архив внешней политики России документ — секретный меморандум Государственному департаменту американского Совета по внешним сношениям от 22 августа 1941 года под весьма циничным названием «Вопросы американской политики, касающиеся нацистско-большевистской войны». Через неделю после Атлантической хартии с ее проповедью борьбы за свободу народов и демократию этот документ показывает изнанку, прагматизм которой смутил бы Талейрана и Макиавелли. Перечень вариантов поведения США демонстрируют интересы, весьма отличные от официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив:

«Если большевистский режим сохранится:

а) Станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера.

б) Должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств.

в) В случае нападения Японии на Приморье должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке.

Если большевистский режим падет:

а) Должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России.

б) Должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

Если после большевистского режима будет установлен режим сотрудничества с Германией:

а) Должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транссибирской железной дорогой.

б) Должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония)» (выделено мной. — Н.Н.).

Не «право народов избирать свою судьбу», а российско-германский баланс, создание между ними буфера через «переселение народов» под собственным контролем и Транссибирская магистраль, одним словом, реальный ключ к контролю над Евразией — вот главная забота при оценке смысла участия США в войне. Роль Китая, Японии в самых классических традициях баланса сил и Realpolitik меняется

на 180 градусов от опоры до противника в зависимости от исхода схватки. Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения.

«Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты.

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»¹.

Каким же ударом по этому плану была Ялтинско-Потсдамская система! Как тут не начаться холодной войне! Кстати, З. Бжезинский прямо полагает, что именно США в первые пять и даже десять лет первыми прямо нацелили свою политику сначала «сдерживания», потом «отбрасывания» на тот самый ареал, который был согласован в Ялте, Потсдаме — на Восточную Европу, в то время как «сталинский» СССР до середины 50-х годов едва справлялся со своим наследием и даже провел масштабную демобилизацию². Но геополитический рисунок этой стратегии был воспроизведен в 90-х годах. Именно на эти «буферные» восточно- и центральноевропейские силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 90-х годах после краха России-СССР.

¹ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. № 213. П. 25. Л. 3.

² Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played. Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182—183.

Россия ушла из Восточной Европы, «организатором» которой всегда была либо она, либо Германия. Западную Европу по-прежнему консолидировал блок НАТО. Но чтобы «социалистическая Восточная Европа», выйдя из-под российского контроля, не рассыпалась окончательно в постверсальский ярус мелких, несамостоятельных государств и чтобы у Германии не проснулись идеи «Срединной Европы», ее надо было срочно скрепить атлантическим постъялтинским каркасом под англосаксонским контролем. Возвешенное Д. Рамсфелдом перемещение атлантического центра на восток, в «новую» Европу, стало вторым «Версалем».

СМЫСЛЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Холодная война была абсолютно неизбежна не только в силу закономерностей мировой политики и политической географии тем более в период, когда весь мир стал единой ареной, куда вышли США с их вездесущими интересами. Ее психологический тон объясняется лишь колоссальной идеологизацией мировой политики с обеих сторон — как коммунизмом, так и либерализмом, по сравнению с классическими международными отношениями прошлого, в основе которых лежал национальный интерес, а не универсалистские идеи. Война интересов велась давно за кулисами военного сотрудничества и в конце 40-х гг. обрела специфическую форму.

Для обоснования принципиально новой концепции отношений с СССР Запад нуждался в замене идеологических клише времен войны. В качестве идейной парадигмы «главного содержания эпохи» выдвигалась борьба свободного мира и демократии против угрозы коммунизма.

При этом воинствующе антикоммунистический Запад полностью взял на вооружение выгодную ему большевистскую нигилистическую интерпретацию событий: Россия и русская история «упразднены» безвозвратно в 1917 году, а СССР является не продолжением тысячелетнего государ-

ства, а *соединением* совершенно независимых и самостоятельных наций. Это определение, как будто согласованное в неких высших мировых сферах, с одинаковой неизменностью применяется до сих пор как в отечественной — сначала марксистской, потом — либеральной, так и западной политической доктрине с той разницей, что в первой соединение объявлено благом «под сиянием пролетарской революции», а во второй — насильственным игом «под железным обручем тоталитаризма».

Очевидно, что *два определения — тождественны, отличаясь лишь мнением о факте*, и в равной степени давали возможность в нужный момент подвергнуть сомнению единство страны, *ибо ей отказано в историческом прошлом*. Борьба против насильственного «соединения» всегда правомерна, а разочарование в благодати пролетарской революции сразу позволяет усомниться в целесообразности единства. В пропаганде холодную войну объявили силовым и идеологическим барьером потенциальной экспансии мощного государства с мессианской идеологией.

В той известной мере, в какой это действительно имело место и относилось к установлению опеки над Восточной Европой и навязыванию ей коммунистической идеологии, ее можно было бы считать естественной и традиционной политикой мировых держав. Но на деле его стратегия заключалась не в «терпеливом, длительном и бдительном сдерживании», по Дж. Кеннану, автору официальной доктрины США 1947 года, но в отрицании целиком историко-геополитического феномена СССР как *преемника* России.

Резолюция Конгресса США от 17 июля 1959 года постановила отмечать ежегодно «Неделю порабощенных наций»

и стала законом P.L.86—90, обязавшим президентов из года в год подтверждать цель США освободить жертвы «империалистической политики коммунистической России, приведшей с помощью прямой и косвенной агрессии начиная с 1918 года к созданию огромной империи, представляющей прямую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех народов мира»¹. «Находящимися под советским господством» были названы все народы союзных республик, «Казакия» и «Идель-Урал», *кроме русского*. Это неопровержимо демонстрирует главный аспект холодной войны, не понятый ни либеральной частью русской эмиграции, ни ортодоксальными коммунистами: *борьба не с коммунизмом, а борьба с «русским империализмом», причем на самой территории исторического государства Российского*, которая никогда до революции не подвергалась сомнению самыми жесткими соперниками России на мировой арене.

Малоизвестная книга Льва Е. Добрянского, профессора Джорджтаунского университета и председателя «Комитета по проведению Недели порабощенных наций», разработчика концепции, реализованной на государственном уровне, проясняет историю эпизода. Посвящение книги «забытым борцам Украинской Повстанческой Армии» указывает на галицийское происхождение самого автора. Добрянский интерпретирует Октябрьскую революцию как «сокрушающее восстание всех нерусских народов России» и призывает вновь разрушить «русский колониальный гнет» над «тюрьмой народов».

¹ Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105. P. 9. Wash., GPO, 1959.

Он (не без оснований) видит мало общего между взглядами и философией Маркса и советским великодержавием — «конечным продуктом марксизма-ленинизма на российской почве» и предлагает применять к СССР оценки из «Тайной дипломатической истории», в которой Маркс призывал вернуть Россию к Москве в положении Столбовского мира. Полагая величайшей ошибкой Запада избрание такой внешнеполитической идеологии, которая позволила «русскому колониализму и империализму, неизменному с Ивана III, прикрываться жупелом коммунизма», Добрянский и другие авторы доказывают, что компас «русского медведя», его «полярная звезда» неизменно указывает на захваты и порабощения нерусских народов¹. Эта терминология обнажает преемственность москвофобии Добрянского: эвфемизмы «северный медведь», «полярная звезда» были широко распространены в польской и галицийской антирусской публицистике перед Первой мировой войной.

Этот документ был хорошо известен советскому руководству. Н. Хрущев обрушился с обвинениями на Р. Никсона в ходе его визита в Москву. Тот же, осознавая, что требование в федеральном законе расчленения государства, которому он наносит визит, вопиюще противоречило международному праву, смущенно оправдывался и даже назвал решение Конгресса «глупым». Добрянский и его «Комитет по празднованию Недели поработанных наций» были весьма возмущены «капитулянтской» позицией вице-президента и организовали требование опубликовать содержание бесед Никсона с Хрущевым, озву-

ченное сенатором Фулбрайтом. Тем не менее этот эпизод и резолюция были скрыты от советской общественности и даже не стали разрешенной мишенью для обстрела советским агитпропом.

Так, вплоть до перестройки важнейший аспект противостояния остался за официальным кадром борьбы как на мировой арене, так и внутри СССР. Обе стороны предпочли сделать официальным знаменем борьбу коммунизма и либерализма. Ответить на вызов, не ревизовав марксистско-ленинскую концепцию русской истории и не реабилитировав русскую историю, было невозможно. Для американской стороны открытое требование расчленения СССР, основателя ООН, с которым США были в дипломатических отношениях, было не только непродуктивным, но и вопиюще противоречило международному праву, хотя сенатор Г. Хэмфри настоятельно требовал в Сенате включать положения этой резолюции в программы всех международных форумов, и прежде всего готовящейся встречи в Женеве¹.

Начиная с Кеннеди президенты ежегодно цитировали резолюцию Конгресса сокращенно, опуская пункты с упоминанием советского господства, что позволяло трактовать ее как абстрактную заботу о поработанных нациях вообще в мире. Симптоматично, что и в американской литературе по международным отношениям этот эпизод забыт. Неудивительно, что враждебность к СССР на протяжении советской истории всегда возрастала, когда планы дробления России

¹ *Dobryansky Lev.E. The Vulnerable Russians. New York, 1967.*

¹ *Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105. P. 9. Wash., GPO, 1959. P. 13678—13679.*

«ради победы коммунизма во всемирном масштабе» в духе III Интернационала отступали, и, наоборот, сменялась доброжелательностью, когда те же планы возвращались под новым флагом.

Характерной является позиция западной интеллигенции — по своим философским устоям левой и даже поклонницы основ марксизма. Она с сочувствием относилась к идее революции и к большевистской России и закрывала глаза на красный террор, когда физически уничтожались коренные русские сословия. Певцами русской революции были всемирные литературные и общественные знаменитости, отказавшиеся, как Р. Роллан, Ж.П. Сартр и другие, осудить революционный террор. В 50-х годах западные интеллектуалы отвернулись от СССР и осудили репрессии, но не против носителей национального и религиозного начала, а лишь те, что гильотинировали октябрьских робеспьеров, когда «революция, как Сатурн, начала пожирать собственных детей».

Либералы разочаровались в СССР, но не в идее революции. Послевоенный СССР уже не удовлетворял мировой левый дух революций и ниспровержения как раз потому, что внутренне идеологически уже утратил импульс антихристианского вызова миру, перестал «в нужной мере» быть анти-Россией. Вместо бунта против любых исторических и духовно-культурных устоев и традиций, каким был Октябрь 1917-го, май 1945-го превратил СССР в державу с интересами, вполне определяемыми, несмотря на идеологические искажения, традиционными критериями, соблюдающую правила игры на мировой арене, а внутри страны создал жесткую общественную иерархию и вовсе не левую, а пра-

воконсервативную систему ценностей, весьма отличную от раннебольшевистской.

Но именно это и сделало послевоенный СССР объектом отторжения.

Что касается постсоветских либералов-западников, то они под флагом антикоммунизма очевидно щадили *ортодоксальных большевиков и пламенных революционеров — истинных носителей марксизма*, умалчивая об их открытом неприятии всего, что составляло русское национальное и православное начало, по-видимому, *потому, что разделяли его*. Они, став передовым отрядом перестройки, весьма избирательно обрушивались на историю. Они не поведали о терроре ленинской гвардии, в 80-х годах еще не известных обществу, ибо пришлось бы реабилитировать объект их преступлений — «единую и неделимую» Россию.

Новомышленники, искусно направляя обличения исключительно на «сталинизм», намеренно ограничивались 30-ми годами. Однако историки знают, что тот период был *по критериям репрессий* лишь *вторым* актом драмы после чудовищных 20-х, но среди жертв уже оказались сами разрушители России. Вопреки заблуждению, репрессии 1937 года уступали красному террору 1922—1924 годов. По сравнению с А. Луначарским, Ю. Лариным, П. Стучкой — основоположником теории революционной законности — А. Вышинский — «ренегат», возродивший на смену «революционной целесообразности» «буржуазные» понятия меры вины и меры наказания. На фоне явного пиетета по отношению к Ленину особая ненависть Запада и внутренних «советских западников» к Сталину объясняется отнюдь не вкладом в злодеяния.

Сталин, учившийся в духовной семинарии, по-видимому, прекрасно понимал историософский неизменный смысл устремлений Запада в отношении мира и России. В отличие от «европоцентризма» ортодоксального большевизма и позднесоветского диссидентства он глубоко презирал «декадентский» Запад со всем его ценностным багажом и не имел никакого комплекса неполноценности или моральной зависимости от него. После подчинения в 20-х годах советской экономики интересам американских банкиров сталинская стратегия и в 30-е, и тем более на рубеже 40—50-х годов жестко повернула против Запада во всех его попытках использовать СССР и его ресурсы (прежде всего сырье) в своих интересах.

Хотя Сталин не успел ничего предпринять, возможно, он имел собственные планы мировой гегемонии. Это отнюдь не сулило ничего хорошего русскому народу, который и для него был лишь инструментом — типично для демонов революции. Но Запад, сознавая, что Сталин видел насквозь все его планы, ненавидел и боялся его вовсе не за его вклад в содеянные злодеяния, а за создание вместо Великой России новой формы великодержавия, что сделало страну геополитической силой, равновеликой всему Западу и препятствием на его пути.

Развенчание Хрущевым «культа» Сталина было сформулировано таким образом (частное извращение «ленинских идеалов»), что вполне устраивало долгосрочные интересы Запада. Из всего периода массовых репрессий (20-е — начало 50-х годов) только «1937», «культ Сталина» и «сталинщина» были сделаны в сознании советских людей единственными символами ужаса.

Такая полуправда, что опаснее лжи, позволила затем увязать с террором и морально обесценить восстановление государственных основ, память о войне и величии Победы, а не суть содеянного с Россией, до сих пор обходить обсуждение близких Западу и нынешним либералам целей революции, прямо планировавших истребления, и главного преступления Февраля и Октября 1917 года — уничтожения религиозно-национальной ипостаси России и произвольного расчленения ее на выкроенные образования, уничтожения в 20-х годах коренных русских сословий, носителей национального и религиозного начала.

НИ МЮНХЕНА, НИ ЯЛТЫ

Распространение «торжества» демократии стало идеологической мотивацией западной стратегии в Европе в 90-х годах. Цель США заключалась в том, чтобы подменить итоги Второй мировой войны на итоги холодной войны. Именно под этим лозунгом и велась (и оправдывалась) все та же «борьба за вселенские идеалы» против «оставшихся тоталитарных режимов» — сначала СССР, потом Югославии, далее везде. Вот ключ к пониманию беспрецедентных слов Дж. Буша на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 года: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. **Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты.**»

Это не что иное, как объявление Ялтинской системы тождественной гитлеровской агрессии. Заметим, что никакие другие изменения европейских границ Ялтинско-Потсдамской системой, лишь территориальные решения в пользу СССР, вызывают сегодня нездоровый интерес. Их пытаются представить результатом «экспансионизма» сталинского тоталитаризма. Это не что иное, как полная ревизия духа и смысла Второй мировой войны и сотрудничества в ней Антигитлеровской коалиции.

Отречение от общих задач в войне и от результатов общей победы стран Антигитлеровской коалиции — это вызов

исторической памяти не только русского, но и американского народа. Тысячи и тысячи американцев и англичан самоотверженно сражались на полях Второй мировой войны, и мы не опустимся до того, чтобы забыть их подвиг. Вечная им слава, нашим братьям по оружию!

В то же время подлинная историческая память намеренно стирается: геополитический проект Гитлера — уничтожение целых государств и наций и лишение их национальной жизни — забыт. Но, если мы никогда не забываем страдания евреев¹, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально невозмутимо взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обгажены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?

Такое изменение акцентов отвлекает внимание от очевидного факта, что все, происходящее в Европе после разрушения СССР, удивительно напоминает геополитические конфигурации прошлых попыток «дранг нах остен» в XX веке.

¹ Лидия Ивановна Подoliaкина-Нарочницкая, будучи членом партизанского отряда, держала под полом девушку-еврейку в течение шести месяцев в обстановке, когда гитлеровцы заходили в дом ежедневно с оружием наперевес. Полагался расстрел на месте. Лидия Ивановна прошла гитлеровскую тюрьму, допросы, концлагерь, из которого бежала и была награждена медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ, НО ПРОТИВ КОГО?

Происшедшее в последнее десятилетие должно было бы побудить задуматься. Сакраментальное высказывание Н. Данилевского о противостоянии России и Европы в XIX веке, маскируемом до Берлинского конгресса наличием некоей фантазмагии — Турецкой империи, может быть перефразировано. Пока между Россией и Западом «стояла коммунистическая фантазмагия», истинных причин холодной войны можно было и не заметить, когда же «призрак рассеялся», «нам ничего не остается, как взглянуть действительности прямо в глаза». Давление на некоммунистическую Россию лишь увеличилось.

Но карта расширения НАТО как две капли воды похожа на карту пангерманистов 1911 года, когда Германия кайзера Вильгельма ставила практически те же цели, что и потом гитлеровская Германия: Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ. А в результате — «отсечение от двух морей — Балтийского и Понта Евксинского», которые сделали Россию в свое время державой, без которой «ни одна пушка в Европе не стреляла». А нам все твердят об СССР, соперничающем с гитлеровской Германией за мировое господство!

Скорее, судя по сегодняшнему «дранг нах остен», можно подумать, что борьба с Гитлером со стороны англосак-

сов была семейным спором о владычестве над миром. Разве под припев о продолжении борьбы за вселенскую демократию НАТО не устремилось на восток, обосновав этим даже агрессию против Югославии? Сначала объектом была «империя зла»; после того, как она сдала все свои геополитические позиции, им стала антиатлантическая Югославия, потом Афганистан, затем «недемократический» Ирак, затем Ливия, Сиритя (что дальше?) который якобы уже только поэтому готов употребить оружие массового поражения против вселенской демократии. Именно таков смысл интерпретации современной истории в письме Е. Боннер и В. Буковского, призывавших Америку не останавливаться на достигнутом и продолжить борьбу, включив в число целей нынешнюю прозревающую и возрождающую свое самосознание Россию.

Это оскорбление России, разрушенной дотла фашистской агрессией и отдавшей 20 миллионов жизней не только за право на собственную историю. Они погибли в том числе и за то, чтобы поляки, эстонцы, латыши и литовцы не прекратили свою национальную историю вообще. По нацистскому плану они должны были бы едва уметь читать на немецком географические указатели в «Ингерманландии». В СССР у них были и страдания, но они становились академиками и генералами, литераторами и изобретателями и награждались Государственными премиями. Это проявления оккупационного режима?

Теперь Латвию патрулируют натовские самолеты, а этнократический режим лишает русских права на язык и культуру, гражданских прав на том основании, что Латвия была под оккупационным режимом. Президент Латвии Вике-Фрей-

берга не постеснялась сказать, что «русские должны стать латышами русского происхождения». Это принудительная ассимиляция или вытеснение из страны. И вот парламентарий Кирштейнс — председатель Комитета по международным делам латвийского сейма — уже требует «вывести всех оккупантов на поезде». Такая демократия теперь — норма «объединенной» Европы, представляемой эталоном для всего цивилизованного мира. Не похоже ли *именно это* на нацистские времена? И какую реакцию вызвало бы гипотетическое требование какого-нибудь русского президента, чтобы, например, татары стали «русскими татарского происхождения»?

Многokrатно увеличившееся давление на некоммунистическую Россию, очередное вытеснение ее на северо-восток Евразии ведется под самыми фарисейскими за всю историю лозунгами. Поистине не схватка «идеологий раскола» и не «борьба демократии и тоталитаризма» составляют суть истории XX века. Похоже, опять «нельзя терпеть на Востоке такого колоссального государства».

«Вот уже полтора века лет Запад боится России», — горько заметил Иван Ильин в годы холодной войны, и мало что изменилось в век «общечеловеческих ценностей». Он прав: «никакое служение общеевропейскому делу не меняет этого отношения — ни освобождение Европы от Наполеона, ни спасение Пруссии в 1805—1815 гг., ни спасение Австрии в 1849-м и Франции в 1875 году, ни миролюбие Александра III, ни Гаагская конвенция, ни жертвенная борьба с Германией в 1914 году». Добавим, ни освобождение Европы от тотального уничтожения Гитлером, ни, наконец, даже самоустранение России как великой державы. «Для них Россия, — с

горечью делает вывод И. Ильин, — это загадочная, полуварварская “пустота”; ее надо евангелизировать или обратить в католичество, “колонизовать” (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих целей и интриг, а впрочем, — ее необходимо **всячески ослаблять**».

На этом поприще неустанно трудится З. Бжезинский¹, называющий Россию «черной дырой» и на каждой странице бросающий замечания об отсталости и культурной неполноценности русских уже не только перед Западом, но и перед всеми народами мира и населяющими историческое государство Российское, повторяя схожие сентенции Р. Пайпса.

Современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период холодной войны. С удивительной преемственностью просматривается и гегелевская теория исторических и неисторических народов, и нетерпеливая злоба Ф. Энгельса, предвкусавшего исчезновение антиисторичных славян и имманентно реакционного русского народа. Однако вспомним, что эта преемственность имеет не полуторавековую, а почти тысячелетнюю историю. Этот мотив антихристианства и варварства православных славян звучал еще в письме Бернарду Клервоскому, вдохновителю Первого крестового похода, от епископа Краковского Матфея, который побуждал к крестовому походу против русских варваров.

Пока общественное сознание России не освободится от иллюзий «вхождения в так называемое цивилизованное общество», которое ее совсем не ждет, именно это сообще-

¹ Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М., 1998.

ство будет все так же триумфально пожинать плоды нашего национального упадка и безволия.

Запад всегда будет приветствовать только такого российского лидера, который окажется сугубым западником — не столь важно, либерально-космополитического или классово-интернационального толка.

Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России. Это подтвердил С. Хантингтон, первым из маститых политологов Запада указавший на глобальный характер цивилизационного противостояния именно после краха коммунизма, ибо идеологическое противостояние между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом — дискуссия в рамках одного мировоззрения, тогда как возрождение подлинного религиозно-исторического лица России делает ее уже представителем иного мирового проекта.

Мы видим, как только Россия начинает «сосредоточиваться» и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль над своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии.

Окончательное крушение всей русской истории — вот назначенная цена за мнимое место в мировой олигархии для той постперестроечной элиты, что до сих пор почитает «нецивилизованным» даже слабо возражать против уничтожения уже не только российского великодержавия, но и самой русской исторической личности во всех ее геополитических и духовных определениях.

Соппротивление — это возврат к «тоталитаризму», а любая защита национального достоинства и истории — это

«русский фашизм». Но только слепец не увидит за этим клише извечных западных фобий в отношении Православия и России, рядившихся в разные одежды, но единых для папского Рима и Вольтера, для де Кюстина и К. Маркса, для Ленина с Троцким, но и для кумиров московских либералов А. Сахарова, В. Новодворской, электрификаторов и трубадуров либеральных империй — «царизм», «русский империализм», «филофейство», «византийская схизма», «варварство варягов» и «любовь к рабству».

Поистине наша национальная катастрофа есть плод очередного самоуничужения и комплекса культурной неполноценности российской интеллигенции, воплощенного то либералами XIX века, то ранним большевизмом, то диссидентами и номенклатурно-партийной и интеллектуальной элитой эры Горбачева, наконец, первым постсоветским истеблишментом.

Но, как и прежде, главным инструментом разрушения является манипуляция нашим историческим и национальным самосознанием.

Это поднимает перед всем русским обществом огромные проблемы излечения болезни национального сознания и более глубокого осмысления собственных грехов, своих потерь и обретений. Подлинная причина катастрофы и неспособности русских панорамно оценить все, что происходит с ними и Россией, есть духовное ослепление и оскудение в силу отпадения от Православной веры, давшей в свое время русским смысл их исторической жизни и необычайную энергию и способность к творческому акту в мировой истории. Утрата христианского чутья ко злу и его источнику, к подменам и иллюзорным соблазнам привела к исчезнове-

нию чувства личной и соборной ответственности за себя и каждого, за нашу поруганную Победу, за русское присутствие в мире.

Вовлечение России как явления мировой истории и культуры в очередной глобальный проект очень напоминает драму и утраты России при столкновении с первой универсалистской идеей XX века под флагом марксизма. Если бы окружающий мир в 1917 году был менее скован войной и ее последствиями, он воспользовался бы нашей драмой еще активнее, и геополитические потери нашей страны были бы куда страшнее.

Путь и судьба СССР показали, что исторически жизнеспособная национальная государственность должна опираться на «дух народный», который составляет нравственное могущество государства, подобно физическому нужное для его твердости»¹. Держава и нация, впитав «дух народный» в годы Великой Отечественной войны, испытала взлет могущества на мировой арене, но потом вновь растеряла его, тщаь строить коммунизм, и при столкновении с очередным глобалистским соблазном пришла к распаду, к кризису самосознания и нигилизму к своей истории.

Сегодняшние итоги и задачи вызывают к чувству национальной солидарности не перед внешним врагом, а для духовно-исторического делания и продолжения исторической жизни. Они призывают бедного и богатого, простого и образованного, старого и молодого. Ибо нация, способная сохранить себя в истории, — это не простая сумма индивидов,

а преемственно живущий организм с целями и ценностями национального бытия, с общим духом и верой, представлениями о добре и зле, с общими историческими переживаниями. Именно это и делает из народонаселения нацию, способную к творческому историческому акту.

Те, кому знакомо чувство во время вдохновенной молитвы на литургии, прекрасно знают чувство принадлежности к Соборной Церкви, соединяющей с Христом всех верующих — ушедших, нынешних и будущих. По этому образу будем стремиться к освященному Духом чувству принадлежности к своему Отечеству.

Нас разделяют символы прошлого, но должны объединить задачи будущего.

Сегодня же защитим от поругания нашу Победу и нашу Родину!

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 28.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ЕВРОПЕ

Вселенская дилемма «Россия и Европа», которую не обошли вниманием почти все крупные умы России прошлого, опять встает перед нами, поскольку дискуссия о Войне и нашей Победе, точнее сказать — травля России, разворачивается на фоне очевидного передела мира и соперничества за российское наследство. Но давление обрело знакомые очертания — граница его опять проходит именно там, где Священная Римская империя и Ватикан, Речь Посполитая, Наполеон и Габсбурги, Германия кайзера Вильгельма и Гитлера стремились оттеснить русских на северо-восток Евразии, от Балтики и Черного моря, овладеть византийским пространством, а вездесущая Британия противодействовала России из ее южного подбрюшья — Центральной Азии.

Вряд ли Россию и русских возможно еще раз соблазнить каким-нибудь «новым мышлением» и химерой общечеловеческих ценностей. Слишком очевидно, что весь остальной мир тем охотнее воспользовался испытанным старым методом и прибрал к рукам все, что отдавали прозелиты. Очередной передел мира меньше всего отражает борьбу идеологий XX столетия, которая на самом деле вовсе не так, как казалось, определяла международные отношения даже в период холодной войны. Демагогические толкования результатов

соперничества «тоталитаризма и демократии», увы, слишком напоминают штамп марксистского обществоведения о «главном содержании эпохи — переходе от капитализма к коммунизму». Главное содержание «нашей эпохи» — последнего десятилетия XX века — уничтожение сначала потенциально равновеликой всему совокупному Западу геополитической силы, затем самостоятельной исторической личности с собственным поиском универсального смысла человеческого бытия.

Латинские Венгрия и Чехия бегут в НАТО не от коммунизма, а от чуждой России. Только возвращаются они не в «постгабсбургский» ареал, но в атлантический мир. По канонам англосаксонской стратегии XX века Восточная Европа больше никогда не должна входить ни в орбиту немцев, ни в орбиту русских: «Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты».

Не стоит удивляться и католической Польше, сочувствующей любому анти-русскому сепаратизму, если вспомнить, что польский кумир Адам Мицкевич «угас» где-то в Константинополе, куда он отправился «устраивать польский казачий легион» (А. Герцен), чтобы в Крымской войне воевать на стороне «цивилизованной» Османской Турции против «варварской» России.

Балто-Черноморская дуга — это старый проект XVI века, отрезающий Россию от выходов к морю, а Косово поле — единственная природная равнина на Балканах, где танки НАТО могут пройти к Салоникам. Папа Иоанн Павел II, назвавший только украинцев наследниками святого Владимира и последовательно насаждавший католические епархии в России, продолжил дело папы Урбана VIII, вызывавшего по-

сле Брестской унии 1596 года: «О мои русины! Через вас-то я надеюсь достигнуть Востока». Наконец, торжествующие англосаксы вступают «миротворцами» в Кабул и Месопотамию — вожделенный приз Британии еще в Первую мировую войну.

Одна из главных целей сегодняшнего передела мира — контроль над природными ресурсами: за это ведутся войны современности. В этом процессе важнейшую роль играет изоляция России от Средиземноморья, Черного моря и Каспия. Это — северная граница **Мирового энергетического эллипса**, обнимающего Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, российское Предкавказье.

Южная кривая, начинаясь от того же Средиземного моря, призвана соединить англосаксонские позиции в Турции через Персидский залив — Ирак и Иран — с Пакистаном. Эллипс замыкается в Афганистане. Заметим, что этот регион примыкает к Украине, Молдове, Кавказу и Закавказью. Это объясняет втягивание в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря, изоощренную игру вокруг Белоруссии — недостающей части мозаики, непризнание исторического права России на Крым, героизацию Майдана, вовлечение Грузии в американскую орбиту.

Задача евразийской стратегии Вашингтона — обеспечить себе решающий контроль над мировыми ресурсами и необратимо отстранить от рычага управления этими ресурсами все потенциальные центры силы.

Однако, история учит, что исламский экспансионистский импульс всегда имел неисламского дирижера. Британскую шхуну «Виксен» в 1835 году застигали у берегов

Кавказа, где она выгружала оружие для черкесов. И разве комический лорд Джадд, создающий «чеченские комитеты» при Совете Европы, не повторяет лорда Пальмерстона, которой создавал «черкесские комитеты» на Парижском конгрессе 1856 года после Крымской войны? Нам же все твердят о борьбе за демократию.

Подобно тому как «идеологическая борьба» коммунизма и «свободного мира» после мая 1945 года заслоняла борьбу против Ялты и Потсдама и территории исторического государства Российского, нынешняя демагогия призвана заслонить дальнейшее оттеснение России на северо-восток Евразии, где обустройство рабочего места в 6 раз дороже, чем в Европе, глубина промерзания — 3 метра, отопительный сезон — 9 месяцев.

И все же, защищая свои рубежи и присутствие, свое историческое и национальное достоинство, ограждая от глумления нашу Победу, мы предлагаем считать это общим праздником и общим историческим уроком и еще раз, хотя уже не наивно, предлагаем руку Европе и миру.

Европа весьма способствовала формированию однополярного мира и праздновала утрату Россией ее позиций на Балтике и на Черном море. Российское великодержавие в конце XX века было объявлено угрозой и Европе, и идеалам прогресса — суверенитету, самоопределению, равноправию, демократии, правам человека. Но, когда Россия самоустранилась, в тот же миг именно эти основы были попорчены.

Поддержанная Европой агрессия против Югославии — суверенного государства, основателя ООН и участника Заключительного акта Хельсинки — знаменовала упадок

целой эпохи европейской истории. Начавшийся далее поэтапный передел мира с почти ежегодными интервенциями в суверенные страны не только имеет неевропейскую конечную цель, но и неизбежно влечет за собой перегруппировку сил в самом Западе, что стало вполне ясным после приема в НАТО восточноевропейских и прибалтийских государств.

И в тот момент, когда Россия окончательно утратит обретения Петра Великого, не дававших покоя «старушке Европе» с XVIII века, «закат Европы» и утрата ею положения центра всемирно-исторических событий станет свершившимся фактом.

Специфика нынешней ситуации в том, что стратегические потери России не перейдут на этот раз к ее прежним континентальным соперникам или соседям, сохраняя европейскую направленность исторического импульса и геополитического проекта. Возвращение Прибалтики, Венгрии, Чехии, Польши, Балканских государств в западный ареал вовсе не будет реваншем «старой Европы», даже если она бы еще и ощущала в себе зов предков от крестоносцев до Бонапарта. **Все геополитические сдвиги встраиваются в совершенно иные конфигурации, и чем больше этих новых перемен, тем меньше эти конфигурации служат самой Европе.** Они служат в эпоху технократического глобализма глобальному управлению и евразийскому проекту.

Старая Европа, похоже, только сейчас ощутила, но не известно, осознала ли, что одно из следствий этого передела — это неизбежное падение ее собственной роли в мире и как союзника Вашингтона. США вышли на такие рубежи, где «старая Европа» уже не стержень интересов Вашингтона, а всего лишь обеспеченный тыл, в чем она убедилась

слишком поздно, как и в том, что не российское великодержавие угрожает ее роли в мировой политики, а, наоборот, его упадок.

Тезис Рамсфелда о большей важности «новой Европы» — антирусских Польши, Чехии и Прибалтики — действительно отражает принципиальные изменения в геополитическом мышлении части американского истеблишмента, которое устремлено в Евразию, нацелено на глобальное управление и структуризацию под американской эгидой куда более широкого региона. «Укрепление с помощью трансатлантического партнерства американского плацдарма на Евразийском континенте» нужно Вашингтону вовсе не для обороны западной части континента от угрозы с Востока, а для того, чтобы «растущая Европа» стала для США «реальным трамплином продвижения в Евразию». Так сформулировал З. Бжезинский¹. Почему это не насторожило Европу?

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.

«НОВАЯ» ЕВРОПА

Для глобального управления миром сегодня важнее «новая Европа» — не ее, конечно, «мнение», которое никто не спрашивает, а ее расположение в сплошной меридиональной зоне от Балтики до Черного моря. Эта зона — стратегический подступ к протянувшемуся в широтном направлении «евразийскому геополитическому эллипсу».

Выступая в Вильнюсе 23 ноября 2002 года по случаю официального приглашения Литвы в НАТО, президент США Дж. Буш произнес в высшей степени знаменательные слова: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. **Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты.** В России это высказывание предпочли не заметить, однако в нем — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете. В устах американского президента формула «ни Мюнхена, ни Ялты» буквально означает: **«Восточная Европа не будет отныне сферой влияния Германии или России — она будет сферой влияния США».**

Противопоставление Д. Рамсфелдом «новой» (Восточной) Европы Европе «старой» подразумевает перемещение геополитического центра континента на восток, в страны — новые члены НАТО. Эти высказывания обнаруживают глу-

бокую удовлетворенность Вашингтона достижением одной из главных целей всей геополитической стратегии англосаксов XX века — овладением Восточной Европой, значение которой превосходно выразил выдающийся русский политический географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский: это ключевой регион между «двумя Средиземными морями — Балтийским и Черным», и тому, кто контролирует этот регион, обеспечена роль «господина мира»¹.

Обе мировые войны и холодная война велись во многом за Восточную Европу; Западная — «старая Европа» была объединена в том числе для того, чтобы растворить Германию и послужить трамплином к прыжку на Восток.

¹ Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб., 1915.

БУДУЩЕЕ РОССИИ — ЭТО БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ

Объединение Европы сегодня стало неоспоримым идеалом и ценностью исторического развития. Однако эти цели можно ставить в совершенно разных плоскостях мышления. От того, какую идею единения в грядущем периоде истории выберут Европа и Россия, во многом будет зависеть судьба тех идеалов, которые сделали нашу национальную историю и культуру явлением мировой истории, и судьба и роль нас самих в этой истории.

Можно рассматривать мир и Европу лишь как гигантское хозяйственное предприятие, нуждающееся в постоянной оптимизации. Но на таком пути ценность исторического наследия перестает играть роль по сравнению с технократической целесообразностью. Для гигантского киборга нет разницы между микрочипом и Платоном, Шекспиром, Гете и Достоевским. В этом проекте униформного пространства нет места не только православной России, но и ни одной из великих духовных и национальных традиций человечества, в том числе и великой европейской культуре.

Русским чисто материалистический идеал и подход знаком, и они лучше других знают, что он обречен. Однако максимального величия Европа достигла тогда, когда ее история

была воплощением целей и ценностей человеческого духа и национального бытия, то есть когда она жила «не хлебом единым». Да и коммунистический и сугубо материалистический СССР поднялся на пик могущества только после того, как война востребовала национальный дух и возврат к традиционным ценностям Отечества, долга, самопожертвования.

Разве не очевидно сегодня, что вовсе не российское великодержавие представляло угрозу Европе как самостоятельной геополитической и культурно-исторической величине и возможности конструктивного взаимодействия на континенте?

Сотрудничество России и Европы действительно может дать обоим мощный и столь необходимый импульс на пороге Третьего Тысячелетия Рождества Христова. Им обоим нужно, чтобы Россия вернула роль системообразующего фактора международных отношений.

Как никогда, назрела совсем иная культурно-историческая парадигма взаимодействия в Европе.

Не пора ли Европе отказаться от тиражируемого сегодня, как никогда, уничижительного образа России?

Новые вызовы не побуждают ли по-новому взглянуть на «дилемму Россия и Европа»? Она ведь не изжита именно Западом.

Именно Европа, которая уже построила свой рай на земле, все так и не избавилась от своего нигилизма к русской истории, чувства неуверенности перед ее громадностью, потенциальной самодостаточностью и необычайной устойчивостью в испытаниях, перед вечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия. Россия своим

сопротивлением переделу мира и поствизантийского пространства в пользу радикальных параслаμισмских стратегий защищает собой западный мир.

Неужели «Европа в отношении России» все так же, как и во времена Пушкина, «столь же невежественна, как неблагодарна»?

Пусть «новая Европа» в своей «эйфории роста» пока тешит себя образами «полуазиатской Московщины и цивилизованного Запада» — эта эйфория столь же естественна, сколь недолговечна. Пусть шумят на российского слона Рига, Прага, Варшава. Но пришло время серьезно задуматься с обеих сторон об отношениях России с немцами и французами.

Несмотря на многовековое противостояние, великая романо-германская и русская православная культуры имеют единую апостольско-христианскую духовную основу. Европейцы и русские дали примеры наивысших форм латинской и православной духовности, западноевропейец и русский — мировые гении — выразили и две разные формы отступления от Бога — гетевский Фауст воплотил скепсис и сомнение горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии. Иван Карамазов Достоевского выразил пламенный вызов Богу русской гордыни, не желающей смириться с попущением несправедливостей и грехов окружающей жизни.

Мы же и воевали жестоко, значит, сегодня, в год Победы над фашизмом, на нас особая ответственность за выбор будущего Европы и форм ее единства.

Подлинное единство — не в новых разделительных линиях — они ведь не новы и слишком напоминают конфигу-

рации многовекового «дранг нах остен», теснившего славян от Балтийского и Черного морей. Но континентальной Европе сегодня это ничего не даст.

Подлинное единство и не в диктате идеологических стандартов Совета Европы — это тоже не ново — так действовал III Интернационал.

Подлинное единство, которое может принести подъем и самостоятельность Европе, — в признании вселенской равноценности наших опытов. Будущее — в конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской и славянской, Европы латинской и Европы православной.

А будущее России — это будущее Европы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>М.А. Гареева</i>	3
Предисловие автора	11
Об Отечестве и государстве	16
Историософия Великой Отечественной войны.....	19
Нельзя оправдать власовщину	21
Для чего нужно поругание Победы.....	28
История на службе политики	34
Территория Советского Союза — территория исторического государства Российского	37
Целили-то вовсе не в коммунизм	49
Не парадокс, но промысел.....	52
Что такое Ялта и Потсдам	54
Что же нужно изменить, а что оставить из Ялтинской системы?.....	59
Как начался пересмотр истории	66
Оттенки фашизации Европы.....	68
Клише «демократического» агитпропа.....	70
Право на историю	74
Пакт Молотова — Риббентропа.....	77
Исторические аналогии	83

Провал английской стратегии	85
Только ли за свободу и демократию воевали США? ...	88
Смыслы холодной войны	95
Ни Мюнхена, ни Ялты	104
Война продолжается, но против кого?	106
Послесловие Европе	114
Новая Европа	120
Будущее России — это будущее Европы	122

Нарочницкая Наталия Алексеевна

ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ?

Корректор *О.Б. Бубликова*
Дизайн обложки *А.Ю. Никулин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.03.2016. Формат 70×100 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 4. Тираж ?000 экз. Заказ .